

Журнал издается с 2009 года

МИР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Федеральный научно-теоретический журнал
Выходит 1 раз в месяц

№ 3 2017

**Учредитель и издатель –
Общество с ограниченной ответственностью
«Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр»**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35901 от 31 марта 2009 г.

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
доктор юридических наук, профессор
Э.П. Григонис**

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
доктор юридических наук, профессор
В.М. Чибинёв**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

191187, г. Санкт-Петербург,
ул. Шпалерная, д. 5 кв. 17.
Тел. 8 (812) 938 89 96
e-mail : ispec@mail.ru

Подписной индекс каталога «Пресса России» - 43275. Цена свободная.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук от 1 декабря 2015 г. № 13-651

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования

© ООО «МНИОЦ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г.А. Агаев, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
И.А. Антонов, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар);
Р.Б. Булатов, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург);
К.В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар);
Т.С. Волчеккая, доктор юридических наук, профессор (г. Калининград);
М.Х. Гельдибаев, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
С.Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Э.П. Григонис, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
С.И. Захарцев, доктор юридических наук (г. Псков);
И.И. Иванов, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
К.И. Иванов, доктор права (Литовская Республика, г. Вильнюс);
А.Н. Игнатов, доктор юридических наук, старший научный сотрудник
(г. Симферополь);
В.И. Кайнов, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
И.Н. Кондрат, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Э.К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (г. Белгород);
И.И. Мушкет, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Т.Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
А. Озерскис, доктор права (Латвийская Республика, г. Даугавпилс);
Л.В. Сердюк, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа);
В.В. Пылин, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Н.И. Уткин, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
В.Б. Харченко, доктор технических наук (г. Санкт-Петербург);
В.М. Чибинев, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
А.В. Шахматов, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург).

Содержание

Теория права и государства

- О.В. Лещенко. Правовая коммуникация в формировании правосознания и правовой культуры несовершеннолетних осужденных.....5-8
Э.П. Григонис. К вопросу о классификации унитарных государств в юридической науке.....9-17
А.Р. Гильмуллин. О влиянии правовой доктрины на принципы организации и деятельности механизма российского государства.....18-25

Конституционное право

- Л.А. Шарнина. Механизм обеспечения конституционных прав и свобод личности, реализация которых связана с усмотрением органов власти.....26-30
Э.Х. Грипп, Ю.Х. Яхина. Особо охраняемые природные территории регионального значения: необходимость унификации и гармонизации федерального законодательства.....31-35

Уголовное право и криминология

- Р.А. Исмагилов. Проблемы уголовной ответственности за незаконное донорство.....36-43
Ф.Ф. Набиев. Вопросы совершенствования уголовного законодательства и мер по противодействию умышленным уничтожению или повреждению чужого имущества.....43-49
М.А. Бабайцев. Реализация уголовной политики на территории муниципального образования.....50-53
Д.Н. Рудов. К вопросу о комплексе профилактических мероприятий по противодействию терроризму в Российской Федерации.....54-58

Уголовный процесс

- И.А. Антонов, А.М. Алексеенко. К вопросу о целях и задачах стадии предварительного расследования.....59-63
В.С. Латыпов. Международная практика использования специальных знаний сведущих лиц в уголовном процессе (на примере решений Европейского Суда по правам человека).....64-67
Ж.В. Салахова. Реализация принципа законности в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления обвинения.....68-72
З.З. Талынева. Частное постановление (определение) как форма осуществления функции предупреждения преступления по делам частного обвинения.....73-76

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

- А.Ю. Самойлов. Проблемы применения экспертно-криминалистических методов и средств сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения.....77-80
С.Я. Малышев, А.Р. Табаков. Институт оказания помощи граждан оперативным подразделениям и их взаимодействие с гражданами, их объединениями, средствами массовой информации как принцип оперативно-розыскной деятельности.....81-85

Об авторах.....85-88

Информация для авторов.....88-89

Contents

Theory of Law and State

- O. Leshchenko. Law Communication in Formation of Sense of Law and Law Culture of Minor Convicts.....5-8
E. Grigonis. To Question of Classification of Unitary States in Jurisprudence.....9-17
A. Gilmullin. About Influence of Law Doctrine on Principles of Organization and Activity of Mechanism of the Russian State.....18-25

Constitutional Law

- L. Sharnina. Mechanism of Ensuring of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen Which Realization is Connected with a Discretion of Bodies of Power.....26-30
E. Gripp, Y. Yakhina. Especially Protected Natural Territories of Regional Value: Need of Unification and Harmonization of the Federal Legislation.....31-35

Criminal Law and Criminology

- R. Ismagilov. Problems of Criminal Liability for Illegal Donorship.....36-43
F. Nabiev. Questions of Improvement of Criminal Legislation and Measures for Counteraction to Deliberate Destruction or Damage of Someone Else's Property.....43-49
M. Babaytsev. Realization of Criminal Policy on Territory of Municipality.....50-53
D. Rudov. To Question of Complex of Prophylaxis Actions for Counteraction to Terrorism in the Russian Federation.....54-58

Criminal Procedure

- I. Antonov, A. Alekseenko. To Question of Purposes and Tasks of Stage of Preliminary Investigation.....59-63
V. Latypov. International Practice of Use of Special Knowledge of Expert Persons in Criminal Procedure (on the Example of Decisions of the European Court of Human Rights).....64-67
Zh. Salakhova. Realization of Principle of Legality in Course of Involvement of Person as Defendant and Brining a Charge.....68-72
Z. Talyneva. Private Resolution (Definition) as Form of Implementation of Function of Prevention of a Crime of Affairs of Private Charge.....73-76

Criminalistics; Court Expertise Activity; Operatively-Search Activity

- A. Samoylov. Problems of Application of Expertise-Criminalistics Methods and Means by Staff of Expertise-Criminalistics Division.....77-80
S. Malyshev, A. Tabakov. Institute of Assistance of Citizens to Operational Divisions and Their Interaction with Citizens, Their Associations, Mass Media as Principle of Operatively-Search Activity.....81-85

About Authors.....85-88

Information for Authors.....88-89

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

О.В. Лещенко

Правовая коммуникация в формировании правосознания и правовой культуры несовершеннолетних осужденных

В статье рассмотрена правовая коммуникация как эффективная форма межсубъектного взаимодействия с несовершеннолетними осужденными в условиях изоляции от общества. Особое внимание обращено на понятие правовой коммуникации, ее основные функции и формы проявления в воспитательных колониях. Автор приходит к выводу, что правовая коммуникация способствует формированию позитивного правосознания, должного уровня правовой культуры и правомерного поведения у несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: правовая коммуникация, правосознание, правовая культура, правомерное поведение, несовершеннолетние осужденные, изоляция от общества.

O. Leshchenko

Law Communication in Formation of Sense of Law and Law Culture of Minor Convicts

The article covers law communication as an effective form of intersubject interaction with minor convicts in the conditions of isolation from society. Special attention is paid to a concept of law communication, its main functions and forms of manifestation of educational colonies. The author comes to a conclusion that legal communication promotes formation of positive sense of law, due level of law culture and lawful behavior at minor convicts.

Key-words: law communication, sense of law, law culture, lawful behavior, minor convicts, isolation from society.

Модернизация права и общества в последние десятилетия обуславливает необходимость исследования теоретических проблем коммуникативных процессов права. Коммуникативный вариант правопонимания импонируют многим зарубежным (Н. Луману, А. Громицарису, В. Кравицу, К. Фелеллеру) и российским ученым (С.И. Архипову, Е.Б. Макушиной, А.В. Полякову, Е.А. Романенко, Е.А. Романовой, Е.Ф. Усмановой). Сегодня активное развитие получила коммуникативная теория правопонимания, которая аргументирует право как специфичную форму коммуникации и в рамках теории норм и теории действия реализует механизм социального взаимо-

действия нормативно-правовых явлений и процессов.

Коммуникация (от лат. communicatio, от communico – «делаю общим, связываю, общаюсь») – это общение, передача информации от человека к человеку, специфическая форма взаимодействия людей в процессе деятельности [5, с. 397]. Правовая коммуникация есть взаимодействие между субъектами права, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющее им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении. Право является частью общественного правосознания, в рамках которого обеспечиваются его конструирование, осмысле-

ние, легитимация (обоснование), хранение и воспроизводство, и оно невозможно вне социальной коммуникации, так как порождается коммуникативной деятельностью членов социума [2, с. 13-16].

С.И. Архипов под правовой коммуникацией понимает не только общение, обмен мыслями, сведениями, идеями, но и особую форму социального взаимодействия, отличающуюся от других его форм всеобщим характером, так как она охватывает всех без исключения индивидов, а также производных от них социально-правовых субъектов [1, с. 7].

Всеобщий характер правовой коммуникации также отмечает Е.А. Романова, которая обосновывает вывод о том, что правовая коммуникация – это взаимодействие, которое имеет всеобщий характер, основывается на юридических нормах, влияющих на мотивационную сферу субъектов (индивидуальных и коллективных), определяя в конечном счете характер и направленность их деятельности [4, с. 9].

Правовая коммуникация является условием и формой существования социума и права, ее инновационный потенциал и возможность формирования межсубъектного взаимодействия особенно привлекают современных ученых. Коммуникативной функцией обладает не только право, но и правосознание и правовая культура, поэтому правовая коммуникация воздействует на правопорядок в государстве и выступает условием позитивности всего права в целом.

Е.Ф. Усманова считает, что коммуникация всегда протекает в рамках конкретного социокультурного, в том числе языкового, контекста, что обуславливает общность понимания субъектами правового регулирования смысла получаемой правовой информации. Следовательно, познание в данном случае – это деятельность субъектов права, направленная на получение новых сведений (информации), которые выражаются в знаковой форме, используемой для осуществления правовой коммуникации [6, с. 88].

Коммуникативной функцией, по мнению Е.Ф. Усмановой, обладает правовая культура, которая выражается в качественном и эффективном обеспечении связей между субъектами правоотношений. Ее специфика проявляется в диалогичности, насыщенности, объемности, разнообразии направлений юридической информации и асимметричности статусов «передающей» и «принимающей» сторон. В качестве коммуникатора выступают законодатель, представительные, исполнительные, судебные, контрольно-надзорные, правоохранительные и иные органы и должностные лица, граждане (подданные), их коллективы и т. д. [6, с. 89].

Стоит согласиться с мнением Е.А. Романенко, который, исследуя вопросы соотношения коммуникации и правового общения, предлагает рассматривать правовую коммуникацию как феномен права и общения, как урегулированный нормами права акт общения и интерактивный диалог между субъектами права, который обеспечивает реальную связь между личностью и обществом. Под правовой коммуникацией он понимает специфическое средство общения и взаимодействия, в процессе которого происходит систематическое распространение (передача) информации о правилах поведения (правовых нормах), обеспеченных принудительной силой органов государственной власти, с целью упорядочивания (регулирования) поведения субъектов права. Коммуникативная сторона правового общения заключается во взаимном обмене правовой информацией между субъектами правового общения, передаче и приеме знаний, идей, мнений, правовых чувств. Задача правовой коммуникации заключается в формировании правосознания участников правоотношения [3, с. 150].

На наш взгляд, под правовой коммуникацией в условиях изоляции от общества следует понимать специфическую форму общения и взаимодействия, основанную на систематическом распространении, передаче правовой информации между субъектами уголовно-

исполнительного права, способствующую формированию позитивного правосознания, должного уровня правовой культуры и правомерного поведения несовершеннолетних осужденных.

Под позитивным правосознанием следует понимать специфическую форму сознания, обладающую положительной направленностью и выражающуюся в наличии у несовершеннолетних осужденных правовых знаний, умений и навыков, понимания норм права и осознания его ценности, готовности соблюдать законы, при которой в их сознании доминируют идеи законности и правопорядка. Должный уровень правовой культуры предполагает наличие в правовом сознании несовершеннолетних осужденных знаний о праве, правовых ценностей, на основе которых они следуют предписаниям норм права и ведут себя законопослушно. Правомерным будет считаться их поведение, обладающее нормативностью, общественной значимостью, соответствующее предписаниям норм права, которое обеспечивается государством и направлено на удовлетворение интересов личности и общества.

Правовая коммуникация должна усилить уровень правового общения несовершеннолетних осужденных с другими субъектами права и между собой, изменить его в положительную сторону и сформировать законопослушное мышление. Распространение и передача правовой информации в условиях воспитательной колонии представляет акт коммуникации, который воздействует на установки, убеждения, мнения субъектов о праве. Правовые установки подростков должны стать механизмом их внутреннего руководства к совершению правомерных поступков.

Правовая коммуникация наиболее успешно воздействует, если правовая информация, которую она несет, гармонирует с ценностями, признаваемыми социальной группой [3, с. 151], поэтому она должна быть направлена на групповую работу с несовершеннолетними осужденными.

В формировании правосознания и правовой культуры несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, правовая коммуникация выполняет следующие основные функции:

1) информационную (познавательную, когнитивную) – получение правовых знаний и социально-правовых представлений о законах, нормах права, морали, нравственности, правомерном, противоправном поведении (логико-нормативный компонент сферы направленности правосознания);

2) оценочную – отношение несовершеннолетних осужденных к явлениям правовой действительности, включает в себя социально-правовые установки и ценностные ориентации личности, характеризует отношение к действующему (желаемому) праву (эмоционально-образный компонент сферы направленности правосознания).

3) установочно-поведенческую – готовность подростков соотносить свои действия в соответствии с принятыми в обществе нормами права, действовать в согласии или вопреки праву, воздействует на формирование правового поведения (принципиально-волевой компонент сферы направленности правосознания);

4) мотивационную – побуждение к правовым поступкам, активность личности в достижении определенных целей (сфера мотивации правосознания);

5) социальную – приобретение несовершеннолетними осужденными опыта взаимодействия с обществом на основе имеющихся знаний, умений, представлений о нормах права, при совершении правовых поступков или в процессе общения в субъектами права (сфера социально-правового опыта правосознания);

6) воспитательную – воздействие норм права на сознание и волю несовершеннолетних осужденных, при котором было принято решение о совершении волевого поступка (акта воли);

7) регулятивную – реализация субъектами права нормативно-правовых актов и установленных правил поведения;

8) прогностическую – формирование правосознания и правовой культуры несовершеннолетних осужденных.

Эффективными формами правовой коммуникации в условиях изоляции от общества являются: правовое информирование, правовое обучение, правовое просвещение, правовая пропаганда и агитация, правовое воспитание и самовоспитание. Все формы коммуникативного взаимодействия должны применяться в воспитательных колониях системно и комплексно. Главенствующее место надо отводить правовому воспитанию как процессу непосредственного воздействия на правосознание и правовую культуру индивидуумов.

Под правовым воспитанием в условиях воспитательной колонии следует понимать процесс целенаправленного воздействия на правосознание несовершеннолетних осужденных, который развивает правовую грамотность, формирует

правовую культуру и способствует установлению правомерного поведения. Особое внимание следует уделять организации процесса правового самовоспитания несовершеннолетних, который основывается на исследовании собственного уровня правосознания субъектом права и развивает его социально-правовую активность.

Таким образом, правовая коммуникация способствует распространению и передаче правовой информации, укреплению структурных элементов правосознания (сферы направленности, мотивации и социально-правового опыта), повышению уровня правовой культуры и поэтому является эффективной формой межсубъектного взаимодействия с несовершеннолетними осужденными в условиях изоляции от общества.

Список литературы

1. Архипов С.И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. -2008. -№ 6. -С. 7-17.
2. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. - СПб.: Питер; Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. - 160 с.
3. Романенко Е.А. Вопросы соотношения коммуникации и правового общения // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. -2010. -№ 12. -С. 149-154.
4. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2011. - 22 с.
5. Российский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. Книга 1. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. - 1023 с.
6. Усманова Е.Ф. Сущность и содержание коммуникативной функции правовой культуры // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 17. - С. 88–90.

Э.П. Григонис

К вопросу о классификации унитарных государств в юридической науке

В статье рассмотрены различные точки зрения относительно классификации унитарных государств в юридической науке. Среди видов унитарных государств особое внимание обращено на сложные децентрализованные унитарные государства. Автором обосновано выделение среди форм государственного устройства промежуточной формы между унитарным государством и федерацией (регионалистское государство, уния).

Ключевые слова: унитарное государство, автономия, регионалистское государство, уния.

E. Grigonis

To Question of Classification of Unitary States in Jurisprudence

The article covers various points of view concerning classification of unitary states in jurisprudence. Among views of the unitary states special attention is paid to the complex decentralized unitary states. The author has proved allocation of an intermediate form between the unitary state and federation (regional state, union of monarchy) among forms of government.

Key-words: unitary state, autonomy, regional state, union of monarchy

Понятие «унитарное государство» своим происхождением с этимологической точки зрения обязано латинскому «*unus*» - один. Поэтому это понятие идентично таким выражениям как «единое» или «неделимое» государство. Такая характеристика государственного устройства часто встречается и в конституциях унитарных государств. Например, ст. 1 Конституции Республики Молдова провозглашает, что «Республика Молдова - суверенное и независимое, единое и неделимое государство» [12, с. 309], Конституция Французской Республики называет Францию неделимой республикой [7, с. 665]. В то же время для конституционного законодательства ряда стран СНГ характерно и прямое употребление термина «унитарная республика» (ст. 7 Конституции Азербайджанской Республики; ст. 1 Республики Беларусь; ст. 1 Конституции Кыргызской Республики, ст. 1 Конституции Республики Таджикистан) [12, с. 56, 134, 400].

В Кыргызской Республике были приняты две конституции – 1993 и 2010 гг. В обеих конституциях Кыргызская Республика провозглашается унитарной [12 с. 268, 13].

По всей видимости, в конституционных нормах этих стран использована терминология, выработанная советской юридической наукой. Однако и в советской, и в современной науке унитарное государство понимается не совсем однозначно. В общих работах по теории права и государства унитарное государство очень часто упрощенно понимается как единое или слитное государство, в которое входят обыкновенные административно-территориальные единицы, не обладающие суверенитетом и самостоятельностью, управляемые центральной властью и т.п. [10, с. 195-196; 14, с. 68; 18, с. 118]. Такие определения верны лишь отчасти, они не учитывают тех разновидностей унитарного государства, которые возникли в современном мире.

Иногда же теоретиками права и государства эти обстоятельства учитываются. Так, С.А. Комаров пишет, что «унитарное государство представляет собой простое, цельное государство, отдельные части которого иногда могут обладать автономией...» [8, с. 58].

Существует в теории права и государства также деление унитарных государств на централизованные и децентрализованные [2, с. 141; 3, с. 280; 16, с. 77], а среди последних выделяются и государства с «наличием административной автономии для некоторых структурных территориальных подразделений» [2, с. 141].

Значительно дальше в вопросе классификации унитарных государств идут представители науки конституционного права. Наиболее подробно она разработана В.Е. Чиркиным. Он делит унитарные государства на централизованные, децентрализованные, относительно децентрализованные государства, а также на простые и сложные унитарные государства. При этом централизацию либо децентрализацию унитарного государства В.Е. Чиркин связывает с системой управления административно-территориальными единицами государства. При централизованном государстве во все звенья такого деления, включая самое низовое (общинное), назначаются для управления чиновники центральной власти или чиновники, утверждаемые высшей властью из числа кандидатур, предложенных местным представительным органом. В меньшей степени, но все же централизованным, он считает унитарное государство, в котором низовые звенья самоуправляемы, а в более высоком (областном) звене управление осуществляет представитель центра. В децентрализованном унитарном государстве вообще нет назначаемых на места представителей центрального правительства. Следующая разновидность унитарного государства - относительно децентрализованное государство характеризуется тем, что в административно-территориальных единицах высшего уровня имеется два органа: назначаемый центром чиновник

общей компетенции и выборный орган местного самоуправления [20, с. 158]. Простым унитарным государством В.Е. Чиркин называет такое, территория которого состоит только из административно-территориальных единиц, а сложными, - имеющие автономные образования в виде административной или политической автономии, которую он еще определяет как законодательную [21, с. 136].

Такая классификация унитарных государств представляется весьма подробной и вполне приемлемой. Однако она нуждается в некоторых уточнениях. Степень централизации унитарных государств, на наш взгляд, в первую очередь, зависит от степени развития в той или иной стране институтов местного самоуправления и его соотношения с местным управлением. Местное самоуправление и местное управление - это два основных способа организации власти в административно-территориальных единицах как унитарного, так и федеративного государства. Местное управление означает такую организацию власти на местах, когда руководство местными делами поручается назначаемому представителю центральной власти (губернатору, комиссару, префекту и т.д.). Он возглавляет местную администрацию и направляет деятельность всех органов исполнительной власти в соответствующей административно-территориальной единице. Такого рода система означает прямое государственное правление на местах. Местное самоуправление означает, что на местах действуют выборные органы власти, не входящие в систему органов государственной власти. Но выборность - не единственный признак местного самоуправления. Выборные органы местного самоуправления пользуются и определенной самостоятельностью по отношению к центральной государственной власти. Однако эта самостоятельность тем не менее ограничена: органы местного самоуправления не издают собственных законов; они действуют на основе и в рамках законов, изданных законодательными органами центральной власти. Самостоятельность органов местного самоуправ-

ления заключается лишь в сфере исполнительной власти.

Классификация унитарных государств по степени централизации зависит от трех вариантов реализации в государстве либо местного управления, либо местного самоуправления: действует только местное управление и отсутствует местное самоуправление, действует только местное самоуправление и отсутствует местное управление и, наконец, используются различные сочетания местного управления и местного самоуправления. В первом случае будет иметь место централизованное, во втором - децентрализованное государство, и в третьем - относительно децентрализованное унитарное государство.

В зарубежной литературе эти разновидности унитарных государств различают также и в соответствии с разработанной известным французским компаративистом Рене Давидом классификацией основных правовых систем (правовых семей) современности: англосаксонской, континентальной (романо-германской) и социалистической. При этом считается, что децентрализованное государство присуще только англосаксонской правовой системе (системе общего права), относительно децентрализованное государство – континентальной, а централизованное унитарное государство есть принадлежность социалистической правовой системы [22]. Такое утверждение, в общем-то, соответствует истине, если сделать поправку на то, что централизованное государство присуще не только социалистическим странам, тем более что их уже почти не осталось. Будет более верным связывать централизованные государства с тоталитарным или авторитарным политическим режимом, вне зависимости от его идеологической окраски. Таковым действительно был СССР, где реализованный принцип «Вся власть - Советам!» исключал местное самоуправление. Такая же система существует и в современных государствах с авторитарным режимом. Например, в Таиланде во все административно-территориальные единицы, даже в деревни назначается для

управления государственный чиновник [20, с. 158].

Относительно децентрализованные унитарные государства характеризуются сочетанием местного управления и местного самоуправления в административно-территориальных единицах высшего уровня и широким самоуправлением на более низшем уровне. Классическим примером такого государства является Франция. Согласно ст. 72 Конституции Французской Республики Франция с изменениями, внесенными конституционным законом от 28 марта 2003 г. состоит из местных коллективов - коммун, департаментов, регионов, заморских территорий [19, с. 102]. Эти коллективы свободно управляются выборными советами, но в департаменты и территории назначаются представители правительства. Регион, будучи административно-территориальной единицей высшего уровня, избирает региональный совет. В то же время в регион назначается представитель государства - комиссар республики. Он руководит деятельностью исполнительной власти, в его распоряжении находится полиция и т. д. В департаменты назначается в качестве представителя правительства префект, выполняющий аналогичные функции. В коммуны как единицы низового уровня представители центра не назначаются. Исполнительную власть в них осуществляет выборный мэр [15, с. 198; 20, с. 393-395]. Таким образом, в метрополии (заморские территории имеют особый статус) в административно-территориальных единицах - регионах и департаментах - местное управление сочетается с местным самоуправлением, а в коммунах - единицах низового уровня - действует только местное самоуправление. Относительно децентрализованные унитарные государства в настоящее время являются наиболее распространенными среди развитых европейских стран.

Полностью децентрализованных государств в современном мире немного. Это страны англосаксонской правовой системы. Крупнейшие из них - Австралия, Канада, США - одновременно явля-

ются и федерациями. Фактически единственным крупным, и развитым децентрализованным унитарным государством в наше время остается Великобритания. В этой стране на всех уровнях административно-территориального деления избираются советы. Представители центральной власти на места не назначаются. Такая же система действует и в британском доминионе - Новой Зеландии.

Унитарные государства часто делят на простые и сложные. Смысл такого деления заключается в том, что в простых государствах не существует никаких особых административно-территориальных единиц. По степени централизации они могут быть как централизованными, так и децентрализованными. Сложные унитарные государства - всегда децентрализованные. В них предусмотрены различные виды автономий. Термин «автономия» происходит от древнегреческих слов «autos» - сам и «nomos» - правило, закон. Таким образом, этимологически автономия означает возможность административно-территориальной единицы жить по своим законам, правилам. Иначе автономию можно еще понимать как самоуправляющуюся административно-территориальную единицу. Но в этом смысле автономия вряд ли отличается от понятия местного самоуправления. Иногда отождествление автономии и местного самоуправления имеет место и в конституционном законодательстве. Так, глава 8 конституции Японии, называемая «Местное самоуправление» открывается ст. 92, где сказано, что «положения в отношении организации и работы местных органов публичной власти устанавливаются законом в соответствии с принципом местной автономии...» [7, с. 455].

Чаще всего, однако, в юридической литературе автономия понимается как один из способов учета национальных, исторических, географических, культурных и иных особенностей отдельных частей унитарного государства. Другим способом учета таких же особенностей является федеративное устройство государства. Унитарное государство с

автономными образованиями имеет много общих черт с федерацией, хотя по многим параметрам и значительно отличается от нее. Автономные образования к тому же возможны и в федеративных государствах. Унитарное государство с автономными образованиями, таким образом, занимает промежуточное место между децентрализованным унитарным государством с местным самоуправлением и федерацией. Под автономией понимают и сами автономные образования внутри унитарного (или федеративного) государства. Автономные образования - это такие административно-территориальные единицы государства, которые имеют более самостоятельный статус по сравнению с обыкновенными единицами.

В зарубежной юридической науке обычно рассматривают три вида автономии: территориальную, персональную и корпоративную [4, с. 46-49].

Территориальная автономия может быть просто территориальной или же национально-территориальной (этнотерриториальной). Последняя из них является наиболее распространенной и создается на территориях компактно населенных представителями определенной национальности (этноса), и является одним из способов разрешения национального вопроса в многонациональных странах. В них, как правило, признается официальный статус местного языка. Так, в прошлом столетии в датских автономиях - Фарерских островах и Гренландии - официальными языками признавался датский, и, соответственно, фарерский и гренландский [7, с. 298]. С 1 июля 2009 г. единственным официальным языком в Гренландии является гренландский язык как один из эскимосских языков.

Чисто территориальная автономия создается в регионах государства с учетом иных, не национальных факторов: географических, исторических, культурных, социально-экономических. Чаще всего такие автономии существуют на территории одного и того же государства наряду с этнотерриториальными. Например, в Испании имеются национальные области (Страна Басков, Каталония, Га-

лисия) и территориальные исторические области.

В настоящее время чисто территориальная автономия существует на географически отдаленных от материковой Португалии Азорских островах и острове Мадейра. Ненациональный характер этих автономией подчеркнут в самой португальской конституции: «Особый политико-административный режим Азорских островов основывается на географических, экономических и социальных характеристиках и на историческом стремлении островного населения к автономии» (ст. 227 Конституции Португальской Республики) [7, с. 581].

Среди территориальных автономий различают политические и административные.

Наиболее распространенными из них являются политические автономии. Они характеризуются широким спектром представляемых им прав. Зачастую эти автономии имеют собственную законодательную, исполнительную и даже судебную власть. Причем политическая автономия возможна как в этнонациональном, так и в чисто территориальном вариантах. Так, на Фарерских островах и в Гренландии, входящих в состав Королевства Дании, имеются выборные законодательные органы (легтинг на Фарерских островах и ландстинг в Гренландии), которые формируют и высший исполнительный орган - ландстюри [7, с. 298].

В автономном Клайпедском крае Литвы (1923-1939 гг.) существовал собственный законодательный орган - сеймик и формируемое им правительство - директория. Кроме того, суды Клайпедского края не входили в общую судебную систему Литвы [11, с. 40-41].

Автономные области Португалии (Азорские острова и остров Мадейра) вправе законодательствовать по вопросам, представляющим особый интерес для области, которые не входят в собственную компетенцию органов государственной власти (ст. 229 Конституции Португальской Республики) [7, с. 581].

Гренландия как автономия в составе Дании в 1985 г. вышла из Европей-

ского Сообщества – предшественника Европейского Союза, в то время как Дания осталась в его составе.

Административные автономии характеризуются меньшей степенью самостоятельности. Главное их отличие от политических автономий в том, что они не издают своих законов и не имеют, соответственно, собственных законодательных органов. Им предоставлена определенная самостоятельность только в сфере исполнительной власти (административной сфере), поэтому такие автономии и называются административными. Больше всего таких автономий (более сотни) в Китае, причем они разделяются по степени своей административной самостоятельности на три вида: автономные районы, автономные округа и автономные уезды. Одно из специфических полномочий, предоставляемых китайским автономиям, - право с разрешения вышестоящих государственных органов изменять или даже отменять акты этих органов, если они не соответствуют местным условиям. В основном органы самоуправления этих автономий ведают делами образования, науки, культуры, имеют право внешнеэкономической деятельности [20, с. 470].

Корпоративные и персональные автономии распространены еще меньше. Они, по сути, и не являются автономиями в смысле построения государственного механизма, по причине отсутствия в них такового. Корпоративная автономия связана с представителями лингвистических общин, которым резервируется доля мест в государственном аппарате, а любые государственные служащие, работающие в районе расселения таких общностей, обязаны знать местный язык. Такая автономия имеет место в Индии, являющейся федеративным государством [20, с. 519].

К корпоративной автономии близка и персональная автономия. Иногда ее называют экстерриториальной корпоративной автономией. В основе организации такой автономии лежит не территориальный принцип, а именно персональный, заключающийся в добровольном

признании граждан своей принадлежностью к определенной национальности, которые тем самым получают право пользования достоянием своей национальной культуры, своего языка, исповедания своей религии вне зависимости от границ административно-территориальной единицы, в которой они проживают [9, с. 11]. Такие автономии имеют место в странах Северной Европы: Финляндии, Швеции и Норвегии по отношению к народу саами, проживающему на территории всех этих трех стран. Представители народа саами в Финляндии, Швеции и Норвегии выбирают свои собственные парламенты с консультативными функциями. Так, например, в Норвегии парламент саами избирается на четыре года населением, признающим себя представителями народа саами. Первые выборы в этот парламент проводились в 1989 г. одновременно с выборами норвежского парламента - стортинга. Парламент саами заседает в Карасйоке, в Финмарке (северный округ Норвегии). Он является консультативным органом, может выступать инициатором рассмотрения всех вопросов, которые, по его мнению, имеют отношение к народу саами. Другие публичные власти Норвегии должны предоставить парламенту саами возможность выразить свою точку зрения, прежде чем принимать решения по вопросам, касающимся народа саами [17, с. 110].

В целом же, ни корпоративная, ни персональная автономия не облечены в публично-властные формы, и именно поэтому в дальнейшем, при определении степени разделения властей при различных формах государственного устройства, этот вид автономий мы будем опускать. Хотелось бы только обратить внимание, на то, что скандинавский опыт предоставления персональной автономии малым коренным народам мог бы быть использован и в России, в которой народ саами проживает преимущественно на Кольском полуострове.

Все рассмотренные нами выше унитарные децентрализованные государства с территориальной автономией, за исключением Испании, объединяет та

общая черта, что автономные образования в этих странах существуют только на части их территорий, наряду с другими обычными административно-территориальными единицами. Количество их среди других территориальных подразделений, как правило, незначительно. В Финляндии это только одна автономия - Аландские острова, в Дании и Португалии - по две и т.д.

В последние десятилетия появилась и еще одна разновидность унитарных государств с так называемой областной автономией. Иначе их называют еще регионалистскими государствами. Классические примеры таких государств - современные Италия и Испания.

Термин «областная автономия» в юридической литературе появился первоначально для характеристики государственного устройства Италии. Согласно ст. 114 конституции Итальянской Республики 1947 г. в административно-территориальном отношении Италия делится на области, провинции и коммуны. При этом «области создаются как автономные образования с собственными полномочиями и функциями согласно принципам, установленным в Конституции» [7, с. 442].

Тридцать с лишним лет спустя подобная форма государственного устройства была заложена и в конституции Испании 1978 г. Согласно ст. 137 этой конституции «территориальное устройство государства включает муниципии, провинции и учреждаемые автономные сообщества. Все эти образования пользуются автономией при ведении своих дел» [7, с. 401]. Таким образом, в Испании нет автономных единиц под названием «область». Однако статус итальянских областей настолько сходен с правовым положением административно-территориальных единиц высшего уровня в Испании - автономных сообществ, что термин «областная автономия» в литературе был распространен и на Испанию. В то же время появляется и термин «регионалистское государство», относящийся и к Италии, и к Испании.

Под регионом обычно понимают административно-территориальные единицы высшего уровня. Именно такое наименование они носят, например, в современной Франции. Области Италии как раз и являются в этом смысле регионами. В отношении Италии отождествление терминов «регионалистское государство» и «областная автономия» не вызывает никаких сомнений. Однако, на первый взгляд, оно неудачно для Испании. Административно-территориальными единицами высшего уровня, то есть регионами, в этой стране являются автономные сообщества. В то же время автономия в Испании, как видно из приведенной конституционной нормы, предоставлена и единицам более низкого уровня: провинциям и муниципиям. С другой стороны, именно автономные сообщества – регионы – в Испании обладают автономией, сходной с автономиями областей Италии, автономии в провинциях и муниципиях урезаны – они, в свою очередь, входят в состав автономных сообществ, являясь своеобразными «автономиями в автономиях». Таким же статусом обладают провинции и коммуны Италии, которые являются одновременно автономными единицами и территориальными единицами государственного и областного деления (статьи 128 и 129 Конституции Итальянской Республики) [7, с. 445]. Анализ конституционных полномочий органов публичной власти таких единиц и в Италии и в Испании позволяет их отнести к обыкновенным органам местного самоуправления. Автономиями в истинном понимании этого слова являются лишь регионы обеих стран. Поэтому, в целом, можно согласиться с отождествлением терминов «областная автономия» и «регионалистское государство» и относить их в равной степени и к Италии, и к Испании. Мы же в дальнейшем будем пользоваться термином «регионалистское государство».

В Италии конституируются 20 областей – автономий. Они перечислены в статье 131-1 Конституции Итальянской Республики в редакции конституционного закона от 27 декабря 1963 г. В то же

время в следующей ст. 132 конституции установлена возможность слияния существующих и создания новых областей. При этом установлено, что слияние областей возможно только конституционным законом по заслушивании мнения областных советов, а создание новых областей – по предложению коммунального совета [7, с. 445]. В испанской конституции перечисления автономных сообществ нет. Инициатива образования таких сообществ полностью исходит от провинциальных и муниципальных представительных органов (ст. 143 Конституции Испании) [7, с. 402].

Большинство итальянских областей образованы по чисто территориальному принципу, лишь некоторые из них имеют национальную окраску (в области Трентино-Альто-Адидже проживает немецкоязычное население, а в области Фриули-Венеция Джулия – славяноязычное).

Иначе дело обстоит в Испании. В отличие от Италии, – это многонациональная страна. В ней исторически сложилось четыре нации: кастильская, каталонская, баскская, галисийская. В предшествующие принятию новой конституции годы фашистского франкистского режима официальное признание получила только кастильская нация. Поэтому автономизация Испании отнюдь не в последнюю очередь связана с решением национального вопроса [1, с. 172]. В связи с этим в Испании устанавливается и статус языков. Официальным государственным языком является кастильский, все испанцы обязаны его знать, и имеют право пользоваться им. В то же время остальные языки Испании являются также официальными языками соответствующих автономных сообществ согласно их статутам [7, с. 372]. В настоящее время Испания состоит из национальных автономных сообществ: Галисии, Каталонии, Страны Басков и сообществ, сложившихся в исторических кастильских областях Испании. Всего в Испании имеется 17 автономных сообществ.

В автономиях Италии и Испании функционируют собственные законода-

тельные и формируемые ими исполнительные органы власти. В обоих государствах конституционно распределена компетенция между центральными и региональными властями. Законодательные органы итальянских областей и испанских автономных сообществ издают собственные статуты, являющиеся аналогами конституций. В Италии статуты утверждаются законом Республики, а в Испании они подлежат утверждению парламентом.

Некоторые из автономий в этих странах пользуются чрезвычайно широкими полномочиями. В Италии - это пять областей специальные статуты, которых установлены конституционным законом: Сицилия, Сардиния, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия и Валле д'Аоста. Например, в Сицилии, согласно статуту, государственная полиция подчиняется в дисциплинарном порядке областному правительству [1, с. 129]. В Испании широкими полномочиями пользуются все национальные автономные сообщества и Андалузия. В частности, им предоставлены некоторые права по организации судебной власти Испании. Так, в статутах Каталонии и Страны Басков устанавливается, что областные органы определяют территориальные границы судебных округов, содействуют организации и учреждению судов, разграничению их компетенции, замещению должностей в судебных органах и органах нотариата [1, с. 129].

Регионалистское государство в Италии и Испании представляет собой несомненный интерес с точки зрения организации и функционирования механизма правового государства. Связано это с тем, что в обеих этих странах до принятия новых конституций существовали фашистские режимы. В государственном механизме этих стран, естественно, действовал принцип единовластия. Государственное устройство было унитарным и жестко централизованным. Поэтому одной из причин автономизации обеих стран стало отторжение прежнего тоталитарного государства, необходимость децентрализации государственной

власти с целью недопущения ее абсолютизации. Вместе с разделением властей по горизонтали в этих странах провели и разделение их по вертикали. Таким образом, механизм государства в Италии и Испании вполне можно назвать механизмом государства, приближающегося к правовому. Это тем более верно, что Конституция Испании 1978 г. первой из конституций посттоталитарных стран закрепила правовой и демократический характер своего государства. «Испания конституируется как правовое демократическое социальное государство, которое провозглашает высшими ценностями своего правопорядка справедливость, равенство и политический плюрализм» - провозглашает ст. 1 этой конституции [7 с. 371].

Унитарные децентрализованные государства с областной автономией (регионалистские государства) по особенностям своего государственного устройства ближе всего стоят к федеративным государствам. В литературе такие государства называют также переходной формой от унитаризма к федерализму [21 Чиркин, с. 159]. Такое определение не совсем верно. Слово «переходное» подспудно подразумевает под собой, что в будущем ожидается или является желательным, переход от одной формы государственного устройства к другой. Фраза «переходная форма от унитаризма к федерализму» также подразумевает, что федеративное государство является более прогрессивным, более демократичным, чем унитарное. На самом же деле, вряд ли, в обозримом будущем Италия и Испания примут официально федеративную форму государственного устройства. Этими странами принята своя своеобразная форма децентрализации государственной власти, проведено эффективное разделение властей по вертикали. Почти также, в смысле формы государственного устройства, устроен и механизм федеративных государств. По сути, отличия между регионалистским и федеративным государством минимальны, а в некоторых случаях и совсем не просматриваются. Поэтому, и то с большими оговорками, регио-

налистское государство есть промежуточная, а не переходная, форма государственного устройства между унитарным и федеративным государством. В конечном счете, вовсе неважно как официально называет себя государство - унитарным или федеративным. Главное, что в государстве последовательно соблюдается принцип разделения властей, как по горизонтали, так и по вертикали.

Еще одной промежуточной формой государственного устройства является уния, характерная для монархий. Об унии мы же писали в одной из предыдущих публикаций [5]. К унии в настоящее время относится Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, а в прошлом - Австро-Венгрия, Речь Посполитая.

Список литературы

1. Васильева Т.А. Областная автономия: итальянский и испанский варианты // Советское государство и право. 1986. № 11. С. 126-131.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. - М.: Новый юрист, 1998. - 624 с.
3. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. - М.: Эксмо, 2005. - 832 с.
4. Государство, право и международные отношения в странах западной демократии / отв. ред. Н.С. Крылова. - М.: ИГП РАН, 1993. - 148 с.
5. Григонис Э.П. Уния как форма государственного устройства: история и современность // Мир юридической науки. - 2015. - № 6. - С. 12-15.
6. Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков.- М.: БЕК, 1997. - 586 с.
7. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова.- М.: Инфра-М – Норма, 1997. - 816 с.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права.- М.: Манускрипт, 1996. - 312 с.
9. Лукашева Н.В. Правовое положение автономных образований в странах Северной Европы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1998. - 23 с.
10. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. - М.: Проспект, 2013. - 768 с.
11. Максимайтис М.Л. Государственный строй буржуазной Литвы. - Вильнюс: Изд-во ВГУ.- 91 с.
12. Новые конституции стран СНГ и Балтии / отв. ред. Н.А. Михалева. - М.: Манускрипт, Юрайт, 1998. - 672
13. Официальный сайт Правительства Кыргызской Республики (<http://www.gov.kg>)
14. Перевалов В.Д. Теория государства и права. - М.: Высшее образование, 2005. - 379 с.
15. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира. Справочник. М.: Юридическая литература, 1993. - 256 с.
16. Ромашов Р.А. Теория государства и права. - СПб.: Питер, 2006. - 256 с.
17. Сандвик Г. Правовой статус саами // Государство и право. - 1992. - № 9. - С. 108-116.
18. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. - М.: Юрист, 2003. - 395 с.
19. Чиркин В.Е. Вызовы современности и развитие французской конституции // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2008. - № 1. - С. 100-107.
20. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран.- М.: Юрист, 1997. - 568 с.
21. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. - М.: Артикул, 1997. - 352 с.
22. Alderfer H. European Local Political Structures // Comparative Local Politics. Boston: Holbrook Press, 1973. - P. 136-146.

О влиянии правовой доктрины на принципы организации и деятельности механизма российского государства

В статье рассмотрены некоторые вопросы организации и деятельности механизма российского государства. Особое внимание обращено на принципы, разработанные в рамках доктринального изучения механизма государства, которые, по мнению автора, представляют основу организации и деятельности механизма российского государства.

Ключевые слова: механизм государства, правовая доктрина, правовой принцип.

A. Gilmullin

About Influence of Law Doctrine on Principles of Organization and Activity of Mechanism of the Russian State

The article covers some questions of organization and activity of mechanism of the Russian state. Special attention is paid to the principles developed within doctrinal studying of mechanism of state which, according to the author, represent a basis of organization and activity of mechanism of the Russian state.

Key-words: mechanism of state, law doctrine, law principle.

Проблема профессионального правосознания влияет на процессы оптимизации российского государственного аппарата и на данный момент является важной и актуальной. Это связано с его реальными возможностями и значением, как для нашего общества, так и для деятельности мирового сообщества. Целый ряд авторов обращает внимание на необходимость доктринального обновления таких институтов, как «эффективность права», «функции государства» и «государственный механизм», поскольку приведенные дефиниции в основном были сформулированы в условиях социалистического правопонимания и уже не соответствуют объективной реальности, а также представлению граждан. «Следствием и качественными показателями «устаревшей теории» является низкая правовая культура граждан, отсутствие единой национальной идеи, которая смогла бы объединить интересы общества и образовать основу, вектор развития государственной политики России» [13, с. 23]. Именно доктринально оформленные

принципы, как незыблемые правовые основания, составляют костяк системы функционирования и действия механизма государства. Поскольку правовая доктрина представляет особое правовое явление, которому свойственно наличие особого языка изложения правовой информации правовых конструкций, специфические формулировки положений доктрины (в виде аксиом, дефиниций, принципов, презумпций и т.п.). Кроме этого, правовая доктрина, на основе национальной и международной преемственности знания содержит в своей структуре социально значимые понятийно-смысловые конструкции, которые: отражают закономерности функционирования социально-правовой действительности, в том числе специфику функционирования механизма государства; проверены на практике в процессе взаимодействия общества и государства; поддерживаются юридическим сообществом; закреплены в научных текстах; частично легализованы в нормах-идеологемах объективного права.

Как отмечается в научной литературе, принципы, независимо от отрасли, это незыблемое и в некотором смысле «сакральное», что есть в праве. Большинство терминологических определений сводится к следующему постулату: принципы права - это основные идеи, руководящие положения, определяющие содержание и направления правового регулирования [11, с. 78]. Правовые принципы являются неотъемлемой частью механизма российского государства. Но для установления влияния правовой доктрины на принципы организации и деятельности механизма российского государства необходимо раскрыть классификацию принципов права.

Первым критерием разграничения правовых принципов выступает *типология правовых систем*. В данном случае принципы права будут классифицироваться на основе того типа государства, в котором они существовали, а именно, деление происходит на принципы рабовладельческого, феодального, капиталистического или социалистического аспекта. Основы правового регулирования государственного механизма в различной типологии государства существенно отличались друг от друга. Если для одной общественно-экономической формации совершенно «адекватными» выступают одни нормы, то для другой они будут неприемлемы. Именно поэтому принципы организации деятельности механизма государства необходимо изучать в исторической ретроспективе, а также исходя из переходного состояния государства от одной типологии к другой.

Вполне естественно классифицировать правовые принципы на основании *характера действия* - социальные и экономические, политические и идеологические, этические и религиозные, а также на специально-юридические принципы. Последние принципы сугубо юридического плана должны отражаться в том или ином правовом источнике, т.е. это такие положения, которые приведены в практической законотворческой плоскости и отражены в правовых каркасах системы органов государства и правовых

средствах обеспечения функционирования государства. К таковым принципам можно отнести принцип всеобщности правовых норм и их приоритета перед другими нормами; принцип подразделения правовой системы государства на публичное и частное право; принцип социальной свободы, выраженный в наличии субъективных прав и обязанностей; принцип справедливости [6, с. 156], выраженный в равном юридическом масштабе поведения и в строгой соразмерности правовой ответственности, прочие принципы. Здесь необходимо выделить такую особенность, которая заключается в том, что принципы могут иметь одинаковое выражение по своей форме (называться одинаково или даже полностью дублировать друг друга), но их понимание в контексте религиозном, политическом, экономическом или национально-этническом может приобретать различные оттенки и диаметрально противоположное значение. Так принцип народовластия может быть рассмотрен как возможность всего народа управлять или участвовать в организации деятельности государственного механизма, с другой стороны, принцип может быть расценен как предлог деления народа (например, в классическом греческом периоде народ делился на «демос» и «охлос», что говорит о разноплановом понимании принципа), принцип может быть расценен и как возможность потребителям определять ценовую политику, возможно рассмотрение принципа и как одухотворенности народа (чтобы грамотно управлять) и прочее. И это только один принцип деятельности механизма государства.

Помимо вышеуказанной классификации, принципы права можно разделить на группы *в зависимости от уровня распространения*: распространяются ли они на всю систему права или распространяются лишь на определенные отрасли. В соответствии с этим классификатором необходимо указать про принципы права, распространяющиеся на всю систему - принцип социальной справед-

ливости, гуманизма и равноправия, законности и единства юридических норм.

Но существуют принципы, которые свойственны только отдельным отраслям (входящие в категорию «механизм государства»). К таковым можно отнести принцип осуществления гласного судопроизводства или принцип равенства сторон (для гражданского судопроизводства), принцип субординации (для административного права), принцип свободы труда (для трудового права) и прочие принципы.

Таким образом, независимо от различий в градации правовых принципов, принципы права в реальности можно разделить на те, которые выступают регулятором общественных отношений и являются правовой детерминантой этих отношений, и на те, которые присущи только праву, не входя в иные плоскости существования социума.

Правовая доктрина может выступать первоосновой для правовых принципов, так как является рациональной системой знаний, содержащая научно-обоснованные, социально-значимые идеи и конструкции. Кроме того, принципы права нуждаются в доказывании, обосновании и аргументации. В этой связи доктрина призвана содействовать пониманию содержания принципов права неформально, правовая доктрина носит не просто констатирующий и описательный характер, она является проводником в различные сферы общественной жизни, прежде всего в механизм государства. Далее будут рассмотрены основные правовые принципы, действующие в отношении механизма государства.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это *принцип народовластия*, который находит свое отражение в различных демократических институтах государства как такового. Здесь необходимо привести цитаты из Конституции Российской Федерации, дабы дать реальную возможность отследить источник закрепления того или иного принципа.

В ст. 3 Конституции Российской Федерации сказано, что единственным источником власти в Российской Феде-

рации является ее многонациональный народ. Институт народовластия выражен в нескольких формах, а именно, в форме непосредственной демократии и в форме демократии представительной. Всевозможные референдумы и свободные выборы есть непосредственное, основное выражение народовластия. Демократия в представительной форме предполагает, в своей сути, осуществление определенных полномочий через специализированные (представительные) органы государственной власти и органы местного самоуправления. Таким образом, государство определило для своих граждан ряд возможностей исключительно в правовом поле участвовать в формировании высших органов власти и отчасти в управлении органами власти.

Следующее основополагающее начало выражено в так называемом *принципе законности*. Этот принцип выражается в конституционном требовании для всех субъектов права исполнять законодательные предписания. В ст. 15 Конституции Российской Федерации четко закреплена концепция обязательного соблюдения законов органами государственной власти и органами местного самоуправления [1, с. 161]. Данный принцип олицетворяет идею верховенства правовых актов в форме законодательства и обязательного их исполнения всеми структурными элементами механизма Российского государства. Благодаря этому принципу, сохраняется системность в полномочиях органов государственной власти и органов местного самоуправления по присвоению либо отчуждению определенных полномочий, которые должны быть нормативно обозначены и не выходить за предписанные границы. В свою очередь, принцип законности предполагает и возможность юридической ответственности государственных органов за исполнение режима законности, нарушение которого они же и призваны предупреждать и пресекать. Реализацию и одновременно механизм обеспечения данного принципа будет обеспечивать сама правовая норма, выраженная в нормативно-правовых актах. Именно на со-

блюдение правовых норм и всех предписаний направлен данный принцип, но одновременно сами нормы устанавливают рамки дозволенного, создавая взаимосвязь принципа и его первоисточника. Вся совокупность элементов механизма государства должна действовать в правовом поле, которое и будет заложено правотворческой деятельностью и реализовано в рамках правоприменительной политики. Вполне естественно говорить о том, что соблюдение правовых норм — это единственная наиболее приемлемая картина событий. Однако, как свидетельствует реальность, соблюдать все законодательные рамки человек не может, и это уже выходит за рамки правопримемлемого поведения индивида и переводит его в область наказания. Именно различными санкциями поддерживается основной костяк законодательных норм.

Далее следует рассмотреть *принцип разделения властей*. В ст. 10 Конституции Российской Федерации закреплена система осуществления государственной власти, которая в своей основе разделена на несколько ветвей власти — законодательную, исполнительную и судебную. Суть указанного принципа состоит в полной обособленности каждой ветви власти, основа которой заключается в особой системе сдержек и противовесов. Эта система разработана величайшими учеными Дж. Локком [7] и Ш.-Л. Монтескье [9]. Система сдержек и противовесов подразумевает особую систему взаимоконтроля одних органов другими (имеется в виду контроль в рамках высших органов государства). Цель взаимоконтроля — препятствовать чрезмерному усилению одних органов по сравнению с другими, пресекать усиление влияния одной ветви власти над другой, препятствовать диктаторскому положению одного органа над всеми прочими.

Следующим основополагающим принципом организации и деятельности механизма Российского государства выступает *принцип федерализма*. Данный принцип предполагает разделение и формирование государственных органов на две составляющих. Критерием деления

выступает уровень того или иного органа. Таким образом, формируется система органов государственной власти: органы общедоделальные и органы государственной власти субъекта Российской Федерации. Такие органы имеют определенный уровень компетенции и осуществляют свои полномочия по тем направлениям деятельности, по которым возможно (в рамках, установленных Конституцией Российской Федерации) совместное ведение. Принимая во внимание ч. 3 ст. 11 Конституции Российской Федерации, заметим, что разграничение предметов ведения и полномочий в тех или иных сферах между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации происходит на основе Конституции Российской Федерации, федеральных законов, а также на основе договоров о разграничении предметов ведения и полномочий. В данном аспекте федерализм представляется необходимо рассматривать, как ключевой элемент ограничения государственной власти [2, с. 13]. В рамках своих полномочий субъекты Российской Федерации обособлены (лишь обособлены, но не автономны) по полномочиям образования собственной системы государственных органов, с наделением их определенными полномочиями в рамках территории этого субъекта. Стоит отметить, что федерализм предполагает градацию полномочий в механизме государства не только в рамках вертикали власти, но и в горизонтали. В рамках определенных элементов отношений в тех или иных сферах и органы федеральные, и органы субъектов в рамках именно этих предметов ведения образуют единую систему исполнительной власти [4, с. 91]. Таким образом, федерализм как составная сущность механизма российского государства обеспечивается и функционирует на основе нескольких начал, а именно, на основе единства и разграничения организационной и компетенционной составляющих механизма государства. Именно такое двуединство помогает находить наиболее приемлемую компоновку властных элементов, позволяя наиболее гра-

можно разграничить федеральные и региональные системы механизма государства.

Значительное место в содержании организации деятельности механизма российского государства занимает *принцип гуманизма*. Признавая человека с его правами и свободами как высшую ценность, в самом начале самого законодательного процесса определилась тенденция, направленная на гуманизацию современного законотворческого и правоприменительного процесса тем самым сделав принцип гуманизма неотъемлемым элементом права, а следовательно, и механизма российского государства. Государство с его институтами, принимая на себя обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека, тем самым признало эти права непосредственно действующими, а если они таковыми являются, то и все элементы организации и деятельности механизма Российского государства должны в своем основании закреплять те или иные положения, носящие именно гуманистическое и справедливое значение по отношению не только к гражданину, но и к любому человеку. Если же на такой основе будет строиться деятельность всех государственных органов, то в общественном сознании негативное восприятие законов и императивно-властных органов сведется к минимуму. Проблема современного права заключается в том, что нормы не только национального, но и преимущественно международного права часто попираются, уступая интересам стран, диктующим свои правила и условия на международной арене. Но замена восприятия справедливого несправедливым, а несправедливое справедливым одномоментно невозможно, как невозможно переписать сознание граждан и все законодательство. Если представить, что этим может кто-то заниматься, то чьи цели в конечном итоге будут преследоваться и на какую правовую модель они будут равняться. И в этом случае возникает потребность в научном осознании многих проблем права, политики, государственных институтов и прочих дефиниций, ко-

торые получив доктринальное понимание становятся выявленными и, как следствие, приобретают реальное очертание решения многих проблем. Выявление сложности в управлении либо в государственно-властном аппарате на ранней стадии - это залог наиболее безболезненной формы проведения грамотной политики, а политика современности, как известно, строится уж не на весьма сложных конструкциях. Зачастую простые явления и требования усложняются сами чиновниками, что порождает непреодолимый бюрократизм. Из этого можно вывести закономерное суждение, что сам государственный механизм способен в действительности воплощать принцип гуманизма в реальность жизни, если сможет избежать собственной бюрократизации.

Следующим принципом организации и деятельности механизма российского государства выступает *принцип приоритета публичных интересов над частными*. «Государство, принимая законы, стимулирует осознание тех интересов, которые признает общественно важными, создает механизм их удовлетворения, но при этом устанавливает запреты для таких субъективных интересов, которые противоречат объективным интересам общества. Необходимо обратить внимание на то, что при решении этих вопросов особую роль играет принцип формального равенства субъектов права перед законом и судом. А важнейшим критерием, ограничивающим интересы определенного лица или круга лиц, являются интересы других, в том числе общественные и государственные» [8, с. 3]. Данный принцип отражен в публичной деятельности органов государства, реализующих основные функции государства исключительно в интересах всего общества, выступая в правовых отношениях от лица публично-правового образования. Обращает на себя также внимание то обстоятельство, что в рамках рассматриваемого принципа прослеживается определенное противоречие с принципом гуманизма. Принцип гуманизма говорит о приоритете прав и свобод человека и

гражданина, а они могут идти вразрез с публичными интересами. Но как показывает жизнь, эти два принципа не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга. Как отмечал Ю.А. Тихомиров, «известная подвижность границ между публичными и частными интересами выражается в том, что некоторые явления перестают иметь общественный или государственный интерес и сохраняют смысл интересов частного характера. Возможно и иное, когда некоторые частные интересы ввиду их общей значимости признаются правом в качестве публичных интересов. Например, раньше план предприятия по всем показателям утверждался соответствующим министерством. Теперь же оно самостоятельно планирует свою деятельность и каждый предприниматель свободен в выборе программ деятельности. Напротив, обязательные показатели «экологической чистоты» теперь устанавливаются государством, в прошлые же годы их не было. Подобные «правовые рокировки интересов» нужно иметь в виду применительно к современной действительности при определении предметов и методов правового регулирования. Они возможны и в перспективе, при динамичном изменении сфер общественной и частной жизни и их соотношения между собой» [12, с. 60]. Основными показателями соблюдения приоритета общих интересов выступают обеспеченность, развитость сферы прав и свобод человека и гражданина, что позволяет нам судить об основных целях современной политической системы определенного государства [14, с. 4].

Стоит отметить, что государственный механизм, существуя и функционируя на различных социально-экономических основах, в свою очередь, по-разному поддается таким регуляторам, как право и управление. Данные факторы, как оказывается на практике, объединены в устоявшуюся систему: управление происходит именно на основе правовых норм, содержательные параметры которых задаются в процессе управления. Природа происхождения

правовых норм, а в частности права, в формально юридическом плане неодинакова. Складывается так, что интересы управления и сущность права расходятся, интересы управления чаще вступают в противоречие с правом, особенно с принципом законности и прочими специальными принципами права. Из этого следует вывод, что некоторые негативные явления, такие как бюрократия, коррупция, корпоративные интересы (корпоративность), административные ресурсы и прочие окологосударственные явления, представляют собой отголоски именно противоречивости права и управления в государственном механизме.

Провозглашая идеи правового государства в качестве основания механизма государства, стоит отметить, что это не означает одномоментного построения идеального государственного аппарата. В данном контексте немаловажную роль должен играть *принцип целесообразности (эффективности)*. Эффективность в данном ключе не стоит сравнивать с управленческой свободой, основанной на усмотрении субъекта. Эффективность есть понятие из сферы управления, которое содержит в своем значении максимальную результативность государственного механизма при выполнении поставленных целей с наибольшим соответствием правовым нормам. Данный подход выражается в определенных механизмах планирования бюджетных периодов, оптимизации расходов государственных органов с их предприятиями и учреждениями. В рамках государственной службы принцип эффективности выражается через категорию «профессионализм».

В контексте изложенной выше информации необходимо отметить и еще одно начало деятельности механизма государства - *принцип ответственности*. Этот принцип следует воспринимать как единую систему определенных требований, рекомендаций, а также запрещающих механизмов, направленных на государственные органы. Характерными аспектами данного принципа выступают такие категории, как активность, организованность, инициативность, приемст-

венность и стабильность [5, с. 260]. Чтобы обеспечить грамотное функционирование принципа ответственности, нужно подробно конкретизировать компетенционную сторону административной власти. Причем такая ответственность предполагает в своем источнике не только придание юридической формы обязанностям, но и уравнивание категории «право на власть», которая связана со свободой действий власти. Гарантии правового свойства (выражающиеся, к примеру, в праве на обращение в суд гражданина за защитой нарушенных прав) предполагают возможность процедуры защиты как таковой, а, следовательно, и синтезируют условия для обеспечения ответственности [10, с. 23].

Говоря о принципах, стоит указать на то, что некоторые исследователи говорят о существовании двух *противоположных* по своей сущности принципов организации и функционирования механизма государства — *единовластие и разделение властей*. При всем при этом, единовластие характеризует более механизм неправового государства, а разделение властей, наоборот, механизм правового государства. По степени реализации принципа разделения властей можно судить и о степени приближения того или иного государства к правовому. Единовластие — это всегда принцип организации и функционирования механизма неправового государства. Разделение властей — принцип механизма правового государства, но не любое государство, в

котором этот принцип действует, является правовым [3, с. 13-14].

Рассмотрев основополагающие принципы организации и деятельности механизма российского государства, следует отметить, что принципы могут стать элементами правовой доктрины, но возможно и обратное. Именно в правовых принципах можно проследить генезис по тем же основаниям, что и в правовой доктрине: принципы, будучи концептуально обоснованы и закреплены в научных источниках, вполне могут перейти в плоскость законодательную, не изменив своего значения и сути. Но данное предположение вступает в диссонанс с реальностью, если речь идет о принципах как о равных правовой доктрине явлениях. Поэтому приведенное положение предлагается только как авторское субъективное оценочное суждение, поскольку на практике существуют нормативные правовые акты, в которых принципы не прописаны, но, безусловно, присутствуют.

Правовая доктрина как совокупность идей, принципов, положений стоит за разработкой содержания и форматом действия правовых принципов, поскольку через системное осмысление и доктринальное суждение возможно прийти к познанию их сущности и назначения. Таким образом, принципы, разработанные именно в рамках доктринального изучения проблематики механизма государства, есть основа функционирования и деятельности самого механизма российского государства.

Список литературы

1. Беляева Е.Г. К вопросу о принципе законности // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. - 2015. - № 4. - С. 161-163.
2. Вырлеева-Балаева О.С. Федерализм в системе ограничения государственной власти // Современное право. - 2011. - № 2. - С. 13-15.
3. Григонис Э.П. Механизм государства (теоретико-правовой аспект): дис. д-ра юрид. наук. СПб., 2000. - 433 с.
4. Иванишкина Ю.В. Федерализм в России: история и современность // Современные гуманитарные исследования. - 2010. - Т. 35.- № 4.- С. 91-95.
5. Иванов А.А. О системе принципов юридической ответственности // Lex Russica. - 2008. - Т. LXVII. - № 2. - С. 260-266.
6. Королев Е.С., Булгаков В.В. Современное понимание справедливости как ключевого элемента современных международно-правовых отношений // Актуальные про-

блемы современного российского права. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Невинномысск, 21-22 мая 2015 года. Часть 1. - Невинномысск: НГГТИ, 2015. - С. 156-164.

7. Локк Д. Избранные философские произведения. - М.: Соцэкгиз, 1960. - 532 с.

8. Ломаев А.Ю. Публичный интерес как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. - 23 с.

9. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. - М.: Мысль, 1955. - 756 с.

10. Мэров И.В. Реализация принципа взаимной ответственности граждан и государства // Вестник Московского университета МВД России. - 2007. - № 6. - С. 23-25.

11. Теория государства и права в вопросах и ответах / под ред. Л.А. Морозова. - М.: Эксмо, 2009. - 288 с.

12. Тихомиров Ю.А. Публичное право.- М.: БЕК, 1995. - 496 с.

13. Фастович Г.Г. К вопросу о реализации принципа эффективности в деятельности механизма государства Российской Федерации: общетеоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. - 2010. - № 12. - С. 23-25.

14. Ципун А.В. Приоритет публичных интересов в системе конституционного права // Политика и общество. - 2008. - № 12. - С. 4-10.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Л.А. Шарнина

Механизм обеспечения конституционных прав и свобод личности, реализация которых связана с усмотрением органов власти

В статье рассмотрены проблемы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с усмотрением органов власти, а также организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями. Автором выделены специальные меры обеспечения данных прав, а также гарантии защиты граждан в отношениях с органами власти.

Ключевые слова: конституционные права и свободы человека и гражданина, обеспечение реализации прав, гарантии защиты.

L. Sharnina

Mechanism of Ensuring of Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen Which Realization is Connected with a Discretion of Bodies of Power

The article covers problems of realization of constitutional rights and freedoms of man and citizen according to discretion of bodies of power, and also organizations and officials given state or other public authority. The author has allocated special measures of ensuring these rights and also guarantees of protection of citizens in relations with bodies of power.

Key-words: constitutional rights and freedoms of man and citizen, ensuring realization of rights, protection guarantees.

В системе конституционных прав и свобод человека и гражданина, наряду с правами, которым корреспондируют обязанности «по выполнению конкретного действия или совокупности заранее определенных действий, существуют права, объектом которых выступает ряд действий, заранее не поименованных нормой объективного права» [4, с.115-116], определение которых в установленных нормой пределах предоставляется не субъекту права, а обязанному лицу.

Такие права и свободы закрепляются в неконкретных, относительно-определенных нормах, либо соответствующие права требования граждан и гарантии их реализации в нормативно-правовых актах лишь обозначаются без определения порядка осуществления (пробел в праве или правовая коллизия).

Соответственно, корреспондирующие им обязанности по обеспечению права (предоставлению соответствующего блага), а также по гарантированию права, (выявлению, предотвращению и пресечению нарушений права, а также восстановлению нарушенного права) реализуются в соответствии с усмотрением органов власти, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями.

Неконкретность обязанностей - это не всегда правовой дефект, следствие неразвитости или ошибочности теории, положенной в основу нормативно-правового регулирования. Не редки ситуации, когда допущение усмотрения представителей власти - это вынужденная мера, обусловленная объективным пределом нормативности общественных от-

ношений, не поддающихся более тщательной формализации.

Так, не поддаются исчерпывающему нормативно-правовому регулированию общественные отношения, протекание которых зависит от множества случайных факторов; отношения, для которых определяющее значение имеет личность субъекта или объект права, отношения, в которых невозможно провести грань между правомерным и противоправным поведением по внешним его проявлениям либо реализация которых способна привести к конфликту интересов, каждый из которых имеет правовое значение и достоин защиты; а также отношения, в которых действия производят одни субъекты, а правовые последствия возникают у других лиц.

Ярким примером отношений, протекание которых зависит от множества случайных факторов и для которых определяющее значение имеет личность субъекта, являются отношения, связанные с реализацией права на медицинскую помощь. Как известно, болезням нет числа и далеко *не все* болезни определены. Кроме того, не до конца познаны физиологические границы нормы человеческого организма, за пределами которых находятся патологические состояния. К этому следует добавить влияние индивидуальных факторов, порой выводящих протекание болезни и процессов выздоровления за рамки рационального объяснения. Поэтому установить все виды медицинских услуг, составляющих медицинскую помощь в каждой конкретной ситуации с учетом индивидуальных особенностей обратившихся за помощью пациентов, а также определить уровень качества услуг при помощи абсолютных величин не представляется возможным.

Отношения, в которых невозможно провести грань между правомерным и противоправным поведением по внешним его проявлениям, смыкаются с отношениями, реализация которых способна привести к конфликту интересов, каждый из которых имеет правовое значение и достоин защиты. Как правило, подобные ситуации возникают в результате

конфликта прав и обязанностей одного и того же лица (например, свободы слова и запрета, установленного законодательством для государственных и муниципальных служащих на публичные высказывания, суждения и оценки в отношении деятельности государственных органов), либо в результате конкуренции прав и свобод разных лиц (например, права на неприкосновенность частной жизни лица и права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом).

Во всех ситуациях конкуренции (конфликта) прав и обязанностей невозможно формализовать грань между противоправным и правомерным по форме и содержанию поведением. Так, невозможно при помощи четких не оценочных критериев, исключающих необходимость использования правоприменительного усмотрения, установить, какое руководящее влияние начальства на лиц, находящихся в трудовом или служебном подчинении, допустимо, а какое является противоправным давлением с целью обязать их сообщить определенные сведения или мнения или, наоборот, скрыть их.

Примером отношений, в которых действия производят одни субъекты, а правовые последствия возникают у других лиц, являются отношения, в которых носитель права постоянно или временно не в состоянии реализовать собственный интерес в силу личных качеств (состоит под опекой) или вследствие слишком значительного числа обремененных правом субъектов (члены территориальной общности). Как отметил Р. Иеринг: «До тех пор, пока рулем заправляет собственный интерес, право держит курс, соответствующий собственным целям; но как только руль вверяется чужим рукам, гарантия, представляемая собственным интересом, устраняется и возникает опасение, что рулевой возьмет курс по направлению к его собственному, а не к чужому интересу» [1, с. 169]. В связи с этим в праве предусматриваются гарантии распорядка чужим правом в интересах представляемого лица (например, необ-

ходимость получения согласия органов опеки и попечительства на отчуждение жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством граждане). Однако формализовать содержание данных гарантий не представляется возможным, так как они основаны на оценке наличных интересов представляемых лиц в их связи с совершаемыми представителем юридическими действиями.

Во всех описанных ситуациях неконкретности обязанностей, корреспондирующих правам и свободам личности, высока вероятность невозможности реализации права, либо неудовлетворенности тем, как оно реализуется, либо реализации права вразрез с целями права. Чем шире сфера усмотрения, тем вероятнее ее использование вразрез с установленными целями: не для наилучшего упорядочения общественных отношений с учетом всех наличных условий, а для удовлетворения собственных интересов (личной выгоды, комфорта или минимизации усилий по выполнению служебных обязанностей).

Субъект права - гражданин, иностранец или лицо без гражданства - в подобных отношениях является слабой стороной, поскольку не может по своей воле уклониться от властного воздействия, даже в случае, когда в решении уполномоченного органа отсутствует обоснованный, рассчитанный и реализуемый оптимум, а есть лишь одно голое произволение, результат конструкций и фантазий властного лица. Ведь реализация властных полномочий предполагает обязанность подчинения: неповиновение законным требованиям или распоряжениям представителей власти влечет за собой административную и даже уголовную ответственность.

Поэтому помимо планомерной работы по выявлению неоправданного использования усмотрения в нормативных конструкциях и максимально возможному сокращению сферы усмотрения, помимо использования специальных организационных средств, направленных на подбор лучших претендентов для замещения должностей, связанных с реализа-

цией дискреционных полномочий (высокие этические цензы, конкурсный отбор и др.), необходимы меры обеспечения, направленные на исключение реализации усмотрения в разрез с целями права, и особые правовые гарантии, направленные на защиту «слабой» стороны в отношениях.

К числу мер обеспечения, направленных на исключение реализации усмотрения в разрез с целями права, следует отнести:

1) требование о введении транспарентности (прозрачности) политических процедур (процедур, связанных с допуском к осуществлению политической власти): видеонаблюдение и трансляция изображения, осуществляемые средствами, устанавливаемыми в помещениях для голосования, запись и хранение видеoinформации и средств обработки данных видеотрансляций (см., например, постановление ЦИК России от 31 августа 2016 г. № 45/453-7 «О применении отдельных технологий видеонаблюдения и трансляции изображения, в том числе в сети Интернет, на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» [3], постановление ЦИК России от 26 сентября 2012 г. № 142/1076-6 «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации», выписка из протокола заседания ЦИК России от 19 сентября 2012 г. № 141-2-6 «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещении для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации»[2];

2) видео- и аудиозапись гражданином фактов и событий как соразмерный и допустимый способ самозащиты и, соответственно, надлежащее доказательство по делу, отвечающее признакам относимости, допустимости и достоверности доказательств (см., например, постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 апреля 2015 г. по делу № А14-9617/2014, постановление Двадцатого арбитражного апелляционно-

го суда от 5 октября 2015 г. № 20АП-8049/2014 по делу № А09-6411/2014 [7];

3) установление алгоритмов, направленных на минимизацию усилий граждан по реализации права и экономию ресурсов, финансовых, кадровых, инфраструктурных и др.: автоматизация элементов взаимодействия (ведение электронной очереди, информирование о результатах и необходимости дальнейших действий по телефону или в электронной форме и др.), требование шаговой доступности расположения органов и учреждений, обеспечивающих предоставление соответствующих благ; использование в работе типовых форм и бланков, их доступность для граждан и др.

4) установление алгоритмов, направленных на исключение злоупотребления полномочиями, по методу «легче сделать, чем не сделать»: разведение функций по платному и бесплатному предоставлению публичных услуг между различными структурами; введение коллегияльных форм реализации дискреционных полномочий и др.;

5) установление моратория на изменение законодательства.

К правовым гарантиям защиты «слабой» стороны можно отнести:

1) установление бремени доказывания невиновности на органы власти, организации и должностные лица, наделенные государственными или иными публичными полномочиями (ч. 2 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства (КАС) Российской Федерации);

2) допустимость в качестве доказательств объяснений лиц, участвующих в деле, и показаний свидетелей, полученных путем использования систем видеоконференц-связи, аудио- и видеозаписей (ч. 2 ст. 59 КАС Российской Федерации);

3) выбор подсудности по желанию гражданина при оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных

служащих (ч. 3 ст. 24 КАС Российской Федерации);

4) освобождение от уплаты государственной пошлины при подаче в суд административных исковых заявлений, заявлений об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, а также жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные уполномоченными на то органами (п. 7 ч. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации);

5) предоставление бесплатной юридической помощи (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [6];

6) установление требования об обязательном информировании о правах (ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5];

7) установление недействительности действий и решений или иных неблагоприятных последствий при несоблюдении процедур, в частности, установление требования о том, что доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (ч. 3 ст. 59 КАС Российской Федерации);

8) гарантирование права на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных законодательством (ч. 1 ст. 4 КАС Российской Федерации).

К сожалению, большинство указанных гарантий и средств обеспечения либо не применяется, либо носит недействительный характер. Так, сложилась су-

дебная практика, в соответствии с которой суды отказывают в рассмотрении исков к Администрации Президента Российской Федерации о возмещении ущерба со ссылкой на неприкосновенность Президента Российской Федерации.

Информирование о правах, последствиях принятия того или иного решения, как правило, не соответствует целям установления и носит подчеркнуто формальный, казенный характер. Информированное добровольное согласие гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на практике не учитывает вид заболевания и тип медицинского вмешательства. Предоставляемая устная информация, как правило, носит усеченный характер, не позволяет принять взвешенное решение, кроме того, она дается в форме, недоступной для восприятия пациентами, не имеющими медицинского образования.

Адвокаты, работающие по назначению, получая вознаграждение от госу-

дарства, а не от клиента, не заинтересованы в активном отстаивании прав обвиняемого (подсудимого), проявляют пассивность, приводящую нередко к нарушению прав и свобод подзащитных. Об этом свидетельствует дисциплинарная практика адвокатских палат субъектов Федерации.

Подобная практика обеспечения и защиты прав не пресекается судами. Это позволяет сделать вывод о том, что, сколько бы организационных и правовых гарантий не устанавливалось по отношению к дискреционным полномочиям, все они будут малоэффективны, если органы власти, их применяющие, не выйдут за рамки исключительно формального их понимания. Если суды, также наделенные усмотрением при разрешении дел, не будут исходить из духа закона, действительных интересов государства и граждан.

Список литературы

1. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. - СПб.: Изд.: Н.В. Муравьева, 1881. - 425 с.
2. Вестник ЦИК России. - 2012. - № 10.
3. Вестник ЦИК России. - 2012. - № 16.
4. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. - М.: Зерцало, 2004. 312 с.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 48. - Ст. 6725.
7. СПС «Консультант Плюс».

Э.Х. Грипп, Ю.Х. Яхина

Особо охраняемые природные территории регионального значения: необходимость унификации и гармонизации федерального законодательства

В статье рассмотрены некоторые конституционно-правовые проблемы разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере охраны особо охраняемых природных территорий. Особое внимание обращено на неопределенность положений федеральных законов в части установления компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам правового статуса особо охраняемых природных территорий регионального значения, в связи с чем возникает необходимость унификации и гармонизации федерального законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: федеральное законодательство, разграничение полномочий, субъект Российской Федерации, особо охраняемая природная территория.

E. Gripp, Y. Yakhina

Especially Protected Natural Territories of Regional Value: Need of Unification and Harmonization of the Federal Legislation

The article covers some constitutional law problems of differentiation of powers between the Russian Federation and its subjects in the sphere of protection of especially protected natural territories. Special attention is paid to uncertainty of provisions of the federal laws regarding establishment of competence of public authorities of subjects of the Russian Federation concerning legal status of especially protected natural territories of regional value. In this connection there is a need of unification and harmonization of the federal legislation for the considered sphere.

Key-words: federal legislation, differentiation of powers, subject of the Russian Federation, especially protected natural territories.

Примечание редакции: Э.Х. Грипп проанализировано федеральное законодательство, Я.Х. Яхиной – законодательство субъектов Российской Федерации.

Одним из способов сохранения благоприятной окружающей среды на территории Российской Федерации является создание, развитие и защита особо охраняемых природных территорий.

В соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации особо охраняемые природные территории являются предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и

принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (части 2 и 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации).

Механизм разграничения полномочий федеральных и региональных (субъектов Российской Федерации) орга-

нов государственной власти по предметам совместного ведения устанавливается Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4], который в ч. 2 ст. 26.3 закрепляет перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляемых данными органами самостоятельно за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации (без учета субвенций из федерального бюджета).

К числу названных полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации п.п. 8 п. 2 ст. 26 рассматриваемого закона отнесено решение вопросов создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения.

Следует обратить внимание на формулировку полномочий органов государственной власти субъектов Федерации по: «решению вопросов создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения», закрепленную в анализируемом законе.

Из предписаний указанного закона неясно, что понимается под «решением вопросов создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения».

По сути, определен «подпредмет» правового регулирования, который, в свою очередь, требует дальнейшей детализации в виде соответствующих полномочий в специальных федеральных законах, в частности, по установлению порядка изменения границ, площади и, в частности, упразднения особо охраняемых природных территорий регионального значения.

Статус особо охраняемых природных территорий регионального значения (далее - ООПТ) регулируется следующи-

ми специальными федеральными законами:

1. Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об особо охраняемых природных территориях» [3];

2. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» [5].

Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях» устанавливаются категории ООПТ. Так, п. 4 ст. 2 данного закона устанавливает, что особо охраняемые природные территории могут иметь федеральное, региональное или местное значение и находиться в ведении соответственно федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

В отношении каждой категории ООПТ регионального значения предусмотрены нормы, определяющие регулирование их особенностей, зонирования и режима особой охраны соответствующими органами государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации. Однако данные нормы не закрепляют процедуру упразднения ООПТ.

Ст. 6 Федерального закона «Об охране окружающей среды» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды закрепляет право образования особо охраняемых природных территорий регионального значения, управление и контроль в области охраны и использования таких территорий. Также возникает вопрос: Что понимается под управлением ООПТ регионального значения?

В контексте сказанного возникает коллизия ситуация, существующая между общественными отношениями, складывающимися в процессе организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий, с одной стороны, и положениями Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представи-

тельных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и специального Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях», закрепляющими правовой режим указанных территорий - с другой, вследствие того что последние не устанавливают порядка изменения границ, площади, категории и режима особой охраны, функционального зонирования ООПТ, а также порядка их упразднения.

Вместе с тем, Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закрепляет за органами государственной власти субъектов Российской Федерации исключительно полномочие по решению вопросов создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения, а специальный Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» помимо аналогичной нормы содержит бланкетную норму, которая предоставляет возможность органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации определять регулирование особенностей, зонирования и режима особой охраны ООПТ регионального значения.

Основной целью правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе организации, охраны и использования ООПТ, является обеспечение правовых условий для образования и функционирования ООПТ России, сохранения расположенных в них природных комплексов и объектов. Очевидно, реализуя указанную цель, законодатель прямо не предусмотрел в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» юридической возможности упразднения ООПТ в России, равно как и возможности изменения их границ, площади, категории. Ограничиваясь регламентацией процедур образования различных категорий ООПТ, рассматриваемый закон по-

зволяет лишь создавать такие природные территории.

Однако многолетняя практика функционирования ООПТ в России показала, что правовое закрепление как в федеральном, так и в региональном законодательстве порядка изменения границ, площади, категории и режима особой охраны, функционального зонирования ООПТ, а также порядка их упразднения имеет существенное значение для обеспечения правовой защиты таких территорий, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение. Следует согласиться с точкой зрения Н.И. Хлуденевой о том, что ввиду отсутствия в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» прямого запрета на упразднение ООПТ, равно как и четкой регламентации процедуры снятия правового статуса ООПТ, изменения границ таких территорий, в правоприменительной практике нередки случаи уменьшения площади и даже полной ликвидации ООПТ на основании решения государственного органа исполнительной власти или органа местного самоуправления, принятого без проведения соответствующего экологического обследования природной территории и государственной экологической экспертизы материалов, обосновывающих изменение границ, площади или упразднение ООПТ [7, с. 64]. «Де факто» положение ООПТ определяет должностное лицо того или иного уровня, который принимает решение о сокращении ее площади или упразднении. Тем самым складывается такая ситуация, в которой создать ООПТ в России намного сложнее, чем упразднить.

Кроме того, следует констатировать, что ООПТ изменяются по своим природным, социальным, экономическим и иным характеристикам. С течением времени природные комплексы и объекты, для охраны которых образовывались ООПТ, могут не нуждаться в особой охране либо вообще прекратить свое существование, например, в результате чрезвычайных событий. В таком случае фак-

тических общественных отношений по охране природных территорий уже не имеются, а соответствующие правовые нормы, устанавливающие правовой режим их охраны, до сих пор продолжают действовать.

Причинами появления такой коллизии выступает нечеткость в разграничении полномочий между органами государственной власти. Так, из-за отсутствия должного разграничения предметов ведения нередки случаи принятия нормативных правовых актов на федеральном и региональном уровнях, регламентирующих отношения взаимоисключающим образом.

Между тем в отдельных субъектах Российской Федерации в целях нормативно-правового обеспечения реализации полномочий по управлению в области организации и функционирования ООПТ регионального значения уже приняты региональные законы, регламентирующие процедуру изменения границ, реорганизации и ликвидации таких территорий, предусматривающую проведение государственной экологической экспертизы материалов комплексного экологического обследования, обосновывающих изменение границ и режима охраны ООПТ регионального значения (см., например, Закон Кемеровской области от 4 января 2001 г. № 1-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Кемеровской области», Закон Новосибирской области от 26 сентября 2005 г. № 325-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Новосибирской области» [6].

Положения Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» буквально воспроизводятся в Законе Республики Башкортостан от 31 июля 1995 № 5-з «Об особо охраняемых природных территориях в Республике Башкортостан» [1]. Более детальная регламентация вопроса по изменению границ, режима особой охраны и упразднения особо охраняемых природных территорий регионального значения осуществляется в правовых актах органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в частности в положениях о

об особо охраняемых природных территориях в Республике Башкортостан, утвержденных постановлением Кабинета Министров Республики Башкортостан от 26 февраля 1999 г. № 48 [2].

В Российской Федерации в целом разграничены полномочия между различными уровнями власти. Барометр развития федеративных отношений - наличие работающего механизма реализации конституционной модели разграничения предметов ведения. Роль одного из важнейших правовых средств обеспечения реализации объема государственной власти по разграниченным предметам ведения играет правовая регламентация регулирования по предметам ведения Российской Федерации и ее субъектов.

В соответствии с пунктом «д» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации «особо охраняемые природные территории» являются предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Налицо коллизии федеральных законов в части определения компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закрепляет за органами государственной власти субъектов Российской Федерации исключительно полномочие по решению вопросов создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения. Специальный федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» также определяет механизм создания особо охраняемых природных территорий регионального значения, а также содержит бланкетную норму на регулирование особенностей, зонирования и режима особой охраны ООПТ регио-

нального значения органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В связи с этим возникает необходимость унификации и гармонизации федерального законодательства, регулирующего полномочия органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере правового статуса ООПТ регионального значения, как по решению вопросов создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий регионального значения, так и по установлению порядка изменения границ, площади и, в частности, их упразднения.

Формализация разграничения полномочий в федеральном законодательстве в указанной сфере приводит к ослаблению необходимой системы защиты ООПТ регионального значения. Субъекты Российской Федерации по-своему понимают объем своих полномочий в указанной сфере в результате того, что

это позволяет им федеральное законодательство. На сегодняшний день законодательство субъектов Российской Федерации существенно различается как по количеству нормативных правовых актов, регулирующих статус ООПТ регионального значения, так и по содержанию тех полномочий, которые предоставляются ООПТ регионального значения. Такое положение приводит к существенным, не всегда оправданным, различиям в установлении правового статуса ООПТ регионального значения на территории Российской Федерации. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости комплексного исследования правового регулирования статуса ООПТ регионального значения, обобщения практики реализации правовых норм с целью установления наиболее эффективных мер, способствующих устранению выявленных нарушений.

Список литературы

1. Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. - 1995. - № 10 (40). - Ст. 399.
2. Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. - 1999. - № 11 (95). - Ст. 751
3. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 12. - Ст. 1024
4. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 42. - Ст. 5005.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. № 2. - Ст. 133.
6. СПС «Консультант Плюс».
7. Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. - М.: ИНФРА-М, 2014.- 172 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Р.А. Исмагилов

Проблемы уголовной ответственности за незаконное донорство

В статье рассмотрены вопросы уголовной ответственности в сфере трансплантации органов и (или) тканей человека. Автором проанализированы последние изменения законодательства в данной сфере. Особое внимание обращено на проблемы уголовной ответственности за незаконное пожизненное донорство.

Ключевые слова: трансплантация органов и (или) тканей человека, пожизненное донорство, пожизненное донорство, незаконное донорство.

R. Ismagilov

Problems of Criminal Liability for Illegal Donorship

The article covers questions of criminal liability in the sphere of organ transplantation and (or) tissues of person. The author has analyzed the last changes of the legislation in this sphere. Special attention is paid to problems of criminal liability for illegal lifelong donorship.

Key-word: transplantation and (or) tissues of person, lifetime donorship, lifelong donorship, illegal donorship.

Произошедший за последний век воистину фантастический прогресс научной медицины, медицинской техники, физиологии, генной инженерии и других биомедицинских отраслей знаний обусловил бурное развитие одного из самых эффективных, но вместе с тем весьма деликатных с медицинской и нравственно-правовой точек зрения методов лечения – трансплантации органов и тканей. Трансплантация (в переводе с латинского *transplantare* пересаживать) означает пересадку с последующим приживлением тканей и органов в пределах одного организма (ауто трансплантация), или от одного организма другому того же вида (гомотрансплантация), или другого вида (гетеротрансплантация), или даже в пределах разных видов (ксенотрансплантация) [1, с. 795].

В настоящее время единственным эффективным источником биологического сырья для пересадки человеку является живой либо умерший человек [10, с.

15]. Поэтому особое значение приобрела так называемая гомотрансплантация, т.е. «пересадка органов, тканей или отдельных клеток от одного человека (живущего или умершего) другому». В Законе Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [2], установлено, что трансплантация (пересадка) органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан (преамбула закона) и может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья (ч. 1 ст. 1).

Трансплантация как метод лечения складывается из двух основных этапов: изъятие органа или ткани у живого или умершего донора и последующее приживление изъятых органа или ткани реципиенту, которым может быть только живой человек. В соответствии с ч. 1 ст.

11 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» изъятие органов и (или) тканей у живого донора для их трансплантации может осуществляться только в интересах здоровья реципиента и в случае отсутствия пригодных для трансплантации органов и (или) тканей трупа или альтернативного метода лечения, эффективность которого сопоставима с эффективностью трансплантации органов и (или) тканей. Таким образом, законодательство предусматривает правило о приоритете посмертного донорства над прижизненным, что объясняет значительно более широкое распространение практики донорской заготовки органов и тканей умерших и, в свою очередь, более широкие возможности для нарушений законности на данном этапе трансплантации.

Анализ Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» позволяет сделать вывод о том, что условиями правомерности посмертного донорства являются требования, предъявляемые к объекту и субъекту изъятия донорских органов и тканей, а также правовые основания производства такого изъятия.

Объектами трансплантации, согласно ч. 1 ст. 2 рассматриваемого закона могут быть сердце, легкое, почка, печень, костный мозг и другие органы и (или) ткани, перечень которых определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, совместно с Российской академией наук.

В соответствии с Перечнем объектов трансплантации, утвержденным приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. №№ 306н/3 [6] наряду с вышеупомянутыми в законе к объектам трансплантации отнесены следующие объекты: амниотическая оболочка; белочная оболочка яичка; васкуляризированный комплекс мягких тканей, включающий дермальный слой кожи, подкожную жировую клетчатку и

мышцы; верхняя конечность и ее фрагменты; височная фасция; глазное яблоко (роговица, склера, хрусталик, сетчатка, конъюнктива); кишечник и его фрагменты; комплекс сердце-легкое; кости свода черепа; костный мозг; легкое; нижняя конечность и ее фрагменты; нижняя челюсть; печень; поджелудочная железа с 12-перстной кишкой; подкожно-жировая клетчатка подошвенной области стопы; почка; селезенка; сердце; серозная капсула печени; сосуды (участки сосудистого русла); трахея; фиброзная капсула почки; эндокринные железы (гипофиз, надпочечники, щитовидная железа, паращитовидная железа, слюнная железа, яичко).

В действительности объектами трансплантации могут быть и иные органы, ткани, а также клетки человеческого организма, на которые не распространяется Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», но которые упомянуты в ч. 2 ст. 2 данного закона. В частности, речь идет о крови и ее компонентах, а также об органах, их частях и тканях, имеющих отношение к процессу воспроизводства человека, включающих в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы). Однако эти биологические субстраты имеют ценность для трансплантации, если они изъяты у живого донора (за исключением яичек, которые могут быть изъяты у донора-трупа для использования только в качестве гормонального трансплантата). К принципам донорства крови и (или) ее компонентов относятся, в частности, добровольность сдачи крови и (или) ее компонентов и сохранение здоровья донора при выполнении им донорской функции (пункты 2 и 3 ст. 4 Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» [8]), что исключает изъятие для трансплантации крови и ее компонентов у трупа. То же самое относится к репродуктивным тканям. Однако, по мнению С.С. Тихоновой, отсутствие в России в настоящее время законодательного регулирования посмертного донорства крови и ее компонентов «является весьма нега-

тивным моментом, поскольку их изъятие вполне осуществимо практически в случаях внезапной смерти лица» [10, с. 59].

Субъектами забора и заготовки органов и (или) тканей человека для трансплантации в соответствии со ст. 4 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» признаются исключительно государственные и муниципальные учреждения здравоохранения (ч. 1). Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих забор и заготовку органов и (или) тканей человека, перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих трансплантацию органов и (или) тканей человека, а также правила осуществления деятельности указанных учреждений утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, совместно с Российской академией наук (ч. 3). Осуществление данного вида медицинской деятельности в учреждениях частной системы здравоохранения, а также в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, не включенных в указанный в рассматриваемом законе перечень, является незаконным. В настоящее время Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. №№ 307н/4 [9].

В соответствии со ст. 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» закрепляется презумпция согласия гражданина или его близких родственников (законных представителей) на изъятие после смерти его органов или тканей для трансплантации. Это означает, что гражданин, который становится объектом посмертного донорства, и не выражает в установленном законом порядке при жизни свое несогласие с подобной акцией, считается согласившимся на то, что

его органы или ткани после смерти могут быть изъяты для целей трансплантации. Равным образом, согласными на изъятие трансплантатов у умершего признаются его близкие родственники или законные представители, которые не заявили учреждению здравоохранения о своем несогласии на посмертное донорство в отношении покойного.

Следовательно, изъятие органов или тканей у трупа-донора для трансплантации считается правомерным, если представители донорской службы не располагают информацией о несогласии с данным актом самого умершего, выразившего свое волеизъявление при жизни, либо со стороны близких родственников или законных представителей умершего. Напротив, как прямо указывается в ст. 8 рассматриваемого закона изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту.

На волеизъявление умершего или его близких о согласии или несогласии на посмертное изъятие органов или тканей из его тела распространяется общий порядок волеизъявления лица о достойном отношении к его телу после смерти, предусмотренный ст. 5 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [7]. Главным условием, однако, позволяющим признать посмертное изъятие органов или тканей для трансплантации незаконным действием, является не наличие запретительного волеизъявления умершего или его близких, а проведение данного мероприятия при осведомленности представителей субъекта посмертного донорства (главного врача, дежурного врача, членов бригады по забору и заготовке органов) о наличии такого волеизъявления и, таким образом, изъятие трансплантата вопреки данному волеизъявлению.

К сожалению, Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», а также Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» не регламентируют детальный порядок исполнения прижизненного волеизъявления умершего о несогласии на изъятие своих органов или тканей для трансплантации, а равно порядок уведомления о соответствующем волеизъявлении со стороны близких родственников или законных представителей умершего.

Гарантией законности посмертного донорства, характеризующая основания правомерности этого медицинского вмешательства, предусмотрена в ст. 10 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и заключается в том, что изъятие органов и (или) тканей у трупа производится с разрешения главного врача учреждения здравоохранения при условии соблюдения требований данного закона. В том случае, когда требуется проведение судебно-медицинской экспертизы разрешение на изъятие органов и (или) тканей у трупа должно быть дано также судебно-медицинским экспертом с уведомлением об этом прокурора [5, с. 74].

Анализ условий правомерности изъятия органов и (или) тканей у трупа для трансплантации позволяет сделать вывод, что производство такого акта при отсутствии на то законных оснований свидетельствует о его неправомерности и общественной опасности, так как является грубым нарушением права человека на достойное отношение к его телу после смерти. Действующее уголовное законодательство России не предусматривает отдельного основания ответственности за незаконное посмертное донорство, в отличие от ответственности за незаконное прижизненное донорство, которая регламентирована п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120, 127 УК Российской Федерации. Поэтому, учитывая, что незаконное изъятие органов и (или) тканей у трупа для трансплантации посягает на один из основных принципов похоронной культуры – достойное отношение к телу человека после его смерти в соответствии

с обычаями и традициями, сложившимися в обществе, составляющий основу погребальной обрядности, такого рода деяние образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК Российской Федерации.

В частности как надругательство над телом умершего следует квалифицировать следующие умышленные деяния, совершенные при нарушении условий правомерности посмертного донорства:

- изъятие из тела умершего органов и (или) тканей, которые в соответствии с законодательством не отнесены к объектам трансплантации (за исключением биологических объектов, необходимых для инструментальных или лабораторных исследований, а также иммунологического типирования донора);

- забор и заготовка органов и (или) тканей умершего человека для трансплантации субъектами частной системы здравоохранения или иными частными лицами;

- забор и заготовка органов и (или) тканей умершего человека для трансплантации в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, не включенных в Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. №№ 307н/4;

- забор и заготовка определенных органов и (или) тканей умершего человека, на - изъятие которых учреждение здравоохранения – субъект донорства не имеет специального разрешения;

- забор и заготовка органов и (или) тканей умершего человека для трансплантации уполномоченным учреждением здравоохранения вопреки прижизненному волеизъявлению умершего либо волеизъявлению его близких родственников или законных представителей о несогласии на посмертное изъятие органов и (или) тканей для трансплантации, о чем были своевременно осведомлены субъекты посмертного донорства (главный врач,

дежурный врач, члены бригады по забору и заготовке органов;

- забор и заготовка органов и (или) тканей умершего человека для трансплантации уполномоченным учреждением здравоохранения без разрешения главного врача, а в случае, когда требуется проведение судебно-медицинской экспертизы – без разрешения судебно-медицинского эксперта;

- обезображивание в процессе изъятия органов и (или) тканей открытых частей тела умершего, совершение с телом без необходимости иных манипуляций, не обусловленных методикой посмертного донорства [3, с. 22].

Если изъятие органов и (или) тканей у донора-трупа производилось при наличии соответствующих оснований, но с нарушением установленного порядка его проведения, содеянное, по нашему мнению, не может квалифицироваться по ст. 244 УК Российской Федерации (например, изъятие органов или тканей у трупа, подлежащего судебно-медицинскому исследованию, без уведомления об этом прокурора; изъятие органов или тканей бригадой по забору и заготовке органов не в полном составе; нарушение очередности изъятия донорских органов или иных требований методики конкретного вида операции и т.п.).

Трудно не согласиться с Г.Н. Красновским в том, что «высокая степень общественной опасности умышленных преступлений в сфере трансплантологии объективно обусловлена тем, что они немислимы без участия высококвалифицированных специалистов в области медицины, и в частности хирургов. Такие преступления могут быть результатом коллективных усилий «охотников за человеческим материалом» и медицинских работников» [4, с. 72].

Представляется, что незаконное посмертное донорство, совершенное при отмеченных выше обстоятельствах, в большинстве случаев должно квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 244 УК Российской Федерации как совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной

группой. Дело в том, что изъятие органов или тканей у трупа в целях трансплантации является сложной медицинской операцией, успешное проведение которой обычно не под силу одному человеку. Не случайно в состав бригады специалистов по забору и заготовке органов входят 1-3 врача-хирурга (в зависимости от вида и объема заготавливаемого донорского материала), врач-анестезиолог, 2 операционные сестры. А в случае мультиорганоного изъятия к работе бригады специалистов по забору и заготовке органов привлекаются бригады хирургов, имеющих специальную подготовку по методике изъятия различных органов. Такая бригада, деятельность которой носит криминальный характер, соответствует всем признакам организованной преступной группы, ибо «необходимая для реализации преступлений такого рода сплоченность действий медицинского персонала (роли которого в совершении преступления predeterminedены служебными и профессиональными обязанностями), выражающаяся в их согласованности, оперативности и конфиденциальности», наличие.

Верной представляется точка зрения С.С. Тихоновой о том, что медицинские работники, принимающие участие в процессах приема, обработки, заготовки, хранения, транспортировки, идентификации, пересадки фрагментов организма умершего, осведомленные о противоправности их получения, при определенных условиях должны рассматриваться как пособники и привлекаться к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 244 УК Российской Федерации, устанавливающей повышенную уголовную ответственность за надругательство над телами умерших в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, со ссылкой (кроме случаев участия указанных лиц в составе организованной группы, когда их действия рассматриваются с позиций уголовного права как соисполнительство) на ст. 33 УК Российской Федерации [10, с. 52].

Незаконное посмертное донорство может характеризоваться еще более сложным составом участников, когда в преступную деятельность наряду с непосредственными исполнителями преступления оказывается втянутым значительное количество лиц, так или иначе обеспечивающих процесс криминальной пересадки органов и тканей человека. Среди них чиновники учреждений здравоохранения и правоохранительных органов, прикрывающие преступный промысел, врачи судебно-медицинских бюро и патологоанатомических отделений, снабжающих бригады «черных» трансплантологов трупами-донорами и анатомическими сегментами, курьеры, ответственные за доставку трансплантатов для пересадки конкретному реципиенту, врачи-трансплантологи, незаконно размещающие заказы на нужные биологические субстраты и др. В таких случаях преступная деятельность указанных лиц соответствует всем объективным признакам структурированной организованной группы, которая в соответствии с ч. 4 ст. 35 УК Российской является одной из форм преступного сообщества (преступной организацией).

К сожалению, на сегодняшний день российское уголовное законодательство не предусматривает адекватной меры ответственности организаторов и участников преступных сообществ, действующих в сфере незаконного посмертного донорства. Их действия квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 244 УК Российской Федерации и не могут быть квалифицированы по ст. 210 УК Российской Федерации «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», которая обычно применяется в подобных случаях по совокупности преступлений.

К числу субъективных признаков преступного сообщества, как об этом сказано в ч. 4 ст. 35 УК Российской Федерации относится конечная цель его деятельности – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также промежуточная цель-средство – совместное совершение

одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений. Последний признак также закреплен в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК Российской Федерации.

Без сомнения, конечная цель существования преступного сообщества (извлечение материальной выгоды) является характерным и очевидным признаком подавляющего большинства криминальных групп и объединений заготовителей и трансплантологов человеческих органов. Что же касается средства достижения этой цели (совершение как минимум одного тяжкого преступления), то данный признак исключен в деятельности «черных» заготовителей трупных трансплантатов по формальным основаниям, поскольку содеянное ими квалифицируется как преступление средней тяжести. Надругательство над телами умерших, совершенное при отягчающих обстоятельствах, в том числе в составе организованной группы, в соответствии с санкцией ч. 2 ст. 244 УК Российской Федерации наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Полагаем, что в целях обеспечения адекватного уголовно-правового противодействия организованной преступности в сфере посмертного донорства законодательно достаточно принять простое и мало затратное решение – увеличить максимальный размер санкции в ч. 2 ст. 244 УК Российской Федерации (хотя бы на один год) с тем, чтобы надругательство над телами умерших, совершенное организованной группой, в том числе в форме незаконного изъятия органов и (или) тканей у донора-трупа, перешло в разряд тяжких преступлений. Тем самым по такого рода делам будет обеспечен надлежащий уровень уголовно-правовой репрессии в виду возможности применения действительно суровой ст. 210 УК Российской Федерации.

Однако более предпочтительным, по нашему мнению, является другое решение – введение в УК Российской Федерации отдельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей самостоя-

тельную ответственность за незаконное посмертное донорство. Необходимость этого шага обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, нелегальная трансплантология, в том числе незаконное изъятие органов и тканей у человеческих трупов, является привлекательным криминальным сегментом для организованной преступности, весьма прибыльным преступным промыслом. Поэтому наличие отдельного уголовно-правового запрета этого вида преступной деятельности есть адекватная и необходимая мера уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью в сфере незаконного посмертного донорства.

Во-вторых, диспозиция ч. 1 ст. 244 УК Российской Федерации носит простой характер, ввиду чего нет уверенности в том, что у представителей правоприменительной практики сложился устойчивый стереотип квалификации незаконного посмертного донорства как надругательства над телами умерших по ст. 244 УК Российской Федерации. Немногочисленность случаев этого посягательства, ставших известными правоохранительным органам, а также масса условностей, установленных позитивным законодательством о трансплантации органов и тканей человека, которые необходимо принимать во внимание при уголовно-правовой оценке, препятствуют формированию отмеченного стереотипа. Учитывая эту правоприменительную тенденцию современной уголовно-правовой политики России, конструирование уголовно-правовой нормы, напрямую запрещающей незаконное посмертное донорство, обяжет правоприменителя активизировать свое внимание на борьбу с этим видом преступных посягательств.

В числе объективных признаков самостоятельного основания уголовной ответственности за незаконное посмертное донорство следует предусмотреть совершение изъятия органов и (или) тканей человека у трупа, когда отсутствуют предусмотренные законом условия правомерности (основания) для проведения данного вида операции. При формулиро-

вании субъективных признаков нового состава преступления целесообразно указать на умышленный характер данного преступления, а также подчеркнуть его цель – трансплантация. Таким образом, предлагаемый состав преступления будет выступать в качестве специальной нормы по отношению к ст. 244 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за все иные случаи надругательства над телами умерших.

Надо сказать, инициатива введения отдельной уголовной ответственности за незаконное изъятие органов и тканей трупа человека выдвигалась в 2001 г. законодателями Красноярского края [10, с. 206]. К сожалению, предлагаемый законопроект обладал массой дефектов, одним из которых было то, что его авторы неверно определили видовой и непосредственный объект нового состава преступления, предложив включить его в главу 16 УК Российской Федерации «Преступления против жизни и здоровья» вслед за статьей 120. Пояснительная записка к законопроекту, научно-теоретический уровень которой оставляет желать лучшего, среди прочих неубедительных аргументов содержала несоответствующий действительности довод о том, что по действующему УК Российской Федерации лицо, совершившее незаконное изъятие органов или тканей умершего человека для трансплантации или других целей, нельзя привлечь к уголовной ответственности. Неслучайно в январе 2002 г. данный законопроект был отклонен Государственной Думой России.

В 2011 г. нами уже было предложено ввести в УК Российской Федерации новую статью следующего содержания:

«Статья 244¹. Незаконное посмертное донорство

Умышленное изъятие органов и (или) тканей у трупа человека для трансплантации при отсутствии на то законных оснований –

наказывается лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельно-

стью на срок до трех лет или без такового.»[3, с. 10]. Это предложение не утра-

тило свою актуальность и в настоящее время.

Список литературы

1. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17000 слов. - М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2004. - 960 с.
2. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1993. - № 2. - Ст. 122.
3. Исмагилов Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... юрид. наук. - Тюмень, 2011. - 25 с.
4. Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в Законе Российской Федерации о трансплантации органов и (или) тканей человека // Государство и право. - 1993. - № 12. - С. 69-75.
5. Латыпов В.С. Актуальные вопросы применения специальных знаний иными участниками уголовного судопроизводства // Черные дыры в российском законодательстве. - 2016. - № 4. - С. 73-75.
6. Российская газета. - 2015. - 26 июня.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 3. - Ст. 146.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012. - № 30. - Ст. 4176.
9. СПС «Консультант Плюс».
10. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: Вопросы уголовно-правового регулирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - 321 с.

Ф.Ф. Набиев

Вопросы совершенствования уголовного законодательства и мер по противодействию умышленному уничтожению или повреждению чужого имущества

В статье рассмотрены вопросы уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и мер противодействия этому преступлению. Автором предложен ряд изменений в действующее уголовное и иное законодательство, направленных на их совершенствование в целях наиболее эффективного противодействия умышленным уничтожению или повреждению чужого имущества.

Ключевые слова: умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, значительный ущерб, жилище, административная преюдиция, административное правонарушение, профилактика правонарушений.

F. Nabiev

Questions of Improvement of Criminal Legislation and Measures for Counteraction to Deliberate Destruction or Damage of Someone Else's Property

The article covers questions of criminal liability for deliberate destruction or damage of someone else's property and measures of counteraction to this crime. The author has offered a number of changes in the existing criminal and other legislation directed to their improvement for the most effective counteraction to deliberate destruction or damage of someone else's property.

Key-words: deliberate destruction or damage of someone else's property, significant damage, dwelling, administrative prejudition, administrative offense, prophylaxis of offenses.

Анализ количественных и качественных показателей преступности, связанной с умышленными уничтожением или повреждением чужого имущества, позволил выявить уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия совершению данных преступлений. Имеющиеся в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации пробелы в определении значительности причиненного ущерба, а также в системе квалифицирующих признаков умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества не позволяют говорить о достаточной уголовно-правовой охране имущества. Изучение статистических данных за последние шесть лет показало, что существующая система профилактики и предупреждения подобных преступлений не проявляет себя в полной мере. Все это свидетельствует о необходимости адекватного уголовно-правового и криминологического обеспечения противодействия указанным деяниям.

Последствия от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества в виде значительного ущерба являются оценочными. В теории уголовного права и судебной практике значительный ущерб определяется в каждом конкретном случае исходя из стоимости поврежденного или уничтоженного имущества, материального положения и значимости утраченного имущества для физического лица или финансового положения юридического лица, но не может составлять по правилам, предусмотренным в примечании 2 ст. 158 УК Российской Федерации, менее 5 тыс. рублей. Следует отметить, что в ст. 167 УК Российской Федерации, в отличие от п. «в» ч. 2 ст. 158 УК Российской Федерации значительный ущерб определяется не только в отношении гражданина, но и юридического лица. Имеющаяся судебная практика свидетельствует о различном подходе к оценке материального и финансового положения потерпевшего, что не способствует защите права собственности от любых преступных посягательств. Кроме того, нет единого подхода к определению соотношения стоимости

уничтоженного или поврежденного имущества оставшегося в распоряжении потерпевшего, а также соотношения утраченного имущества и дохода потерпевшего за определенный период.

В уголовном законодательстве минимальный размер стоимости уничтоженного или поврежденного имущества, который необходим для определения значительного ущерба юридическому лицу, не установлен. Это вызывает трудности при разграничении административного и уголовно наказуемого уничтожения или повреждения имущества, принадлежащего юридическому лицу. Поэтому в целях единообразного толкования предлагается определить «рамки», при которых ущерб перестает быть значительным для потерпевшего, и дополнить ст. 167 УК Российской Федерации примечанием следующего содержания:

«1. Ущерб не может быть признан значительным, если ежемесячный доход потерпевшего в 10 раз превышает размер ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества.»

2. Значительный ущерб, причиненный юридическому лицу в результате преступления, предусмотренного настоящей статьей, определяется с учетом его финансового положения, но не может составлять менее пятидесяти тысяч рублей.»

Очевидно, что если восстановление поврежденного имущества и придание ему первоначального вида требует определенных материальных затрат, то при восстановлении уничтоженного имущества эти затраты увеличиваются в разы, особенно при восстановлении уничтоженного жилища. Пострадавшие лица терпят прямые убытки, испытывают жизненные трудности, состояние стресса и т.д. В этой связи считаем, что такой предмет преступления как жилище, в составе ст. 167 УК Российской Федерации заслуживает особого внимания. Об этом говорится и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил

пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» [4], в соответствии с п. 10 которого при определении характера и тяжести причиненного вреда указывается также на оставление потерпевших без жилья или средств к существованию. Уничтожая жилище, виновный посягает не только на собственность, но и на дополнительный объект - конституционное право потерпевшего и его семьи на нормальные социальные условия жизни, с чем связано и здоровье людей. Это, на наш взгляд, характеризует повышенную общественную опасность деяния. Поэтому, в целях дифференциации уголовной ответственности, представляется целесообразным дополнить ст. 167 УК Российской Федерации частью третьей следующего содержания:

«3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, повлекшее уничтожение чужого жилища, либо по неосторожности смерть человека, или иные тяжкие последствия, –

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет».

В связи с введением ч. 3 в ст. 167 УК Российской Федерации часть вторую данной статьи следует изложить в следующей редакции:

«То же деяние, совершенное из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом...» (наказание можно оставить прежним).

Квалифицированными видами умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества являются совершение таких действий путем поджога, взрыва, или иным общеопасным способом. Отметим, что в п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14 разъясняется, что, если при уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога или иным общеопасным способом виновный предвидел и желал либо не желал, но сознательно допускал наступление таких последствий

своего деяния, как смерть человека либо причинение вреда здоровью потерпевшего, содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК Российской Федерации и, в зависимости от умысла и наступивших последствий, - п. «е» ч. 2 ст. 105 или п. «в» ч. 2 ст. 111 либо статьями 112, 115 УК Российской Федерации.

Представляется, что для правильного определения психического отношения виновного к результату своих действий и направленности умысла в данном случае было бы целесообразным дополнить п. 9 данного постановления Пленума следующими уточняющими положениями: *«при решении вопроса о направленности умысла виновного, следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ, место, время, возможность гибели людей (например, поджог жилого дома в ночное время суток, использование различных зажигательных смесей, легковоспламеняющихся средств и предметов и пр.), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения (до поджога были основания, полагать, что дома никого нет, после поджога дома начал выводить людей из горящего здания, стал спасать из зоны затопления в результате повреждения дамбы и т.д.)».*

Отметим, что сегодня законодатель идет по пути активного использования административной преюдиции в уголовном праве, что на наш взгляд является хорошим сдерживающим фактором. Однако в научной литературе нет единого понимания административной преюдиции в уголовном праве. Одни ученые высказываются против того, чтобы вводить в уголовное законодательство этот институт. Например, отмечается, что административные проступки и преступления различаются качественно, а не количественно. Преступления - это общественно опасные деяния. Административные проступки также носят антиобщественный характер, но свойством криминальной общественной опасности не обладают.

Количество неправомерных правонарушений не может перерасти в качество преступлений, как сто кошек не могут приобрести качество тигра [1, с. 6].

Другие, напротив, отмечают, что «никто не собирается равнозначно подходить к разбою и краже по одному полону всей полонницы, но личность человека-преступника такова, что если в первый раз он похитил полено, то затем, чувствуя свою безнаказанность или «мягкость» наказания, он решит похитить вязанку дров, а затем и всю полонницу, так «из кошки появится саблезубый тигр» [5].

Мы поддерживаем это последнее мнение. Представляется, что в тех случаях, когда административное наказание не дало должного результата, необходимо усилить ответственность за совершение тождественного (однородного) преступления и сделать это в виде введения административной преюдиции в уголовное право.

Подобная законодательная конструкция была использована в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [7], который направлен на дальнейшую либерализацию уголовного законодательства, и дополнил УК Российской Федерации новыми статьями 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» и 158¹ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию». В свете сказанного и на основе анализа причин и условий, способствующих совершению умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества с лесными пожарами и уничтожением огнем домов и учитывая зарубежную практику, следует дополнить УК Российской Федерации статьей 167¹ следующего содержания:

«Статья 167¹ Создание опасности уничтожения или повреждения имущества

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба, а также курение, использование открытого огня или выбрасывание горящих или тлеющих предметов в условиях, предполагающих опасность пожара, либо ставших причиной возгорания, способного повлечь значительный ущерб, совершенные лицом, подвергнутым ранее административному наказанию за подобные умышленные правонарушения, –

наказывается штрафом до сорока тысяч рублей или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо обязательными работами на срок до шестидесяти часов».

Следует отметить, что последствия от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества в ряде случаев исчисляются миллионами рублей [3, с. 47]. Например, анализ материалов уголовных дел показал, что по Республике Башкортостан в период с 2011 по 2016 гг. ущерб, причиненный в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, составлял от 144 до 166 миллионов рублей в год. При этом возмещение материального ущерба по таким преступлениям имеет тенденцию к снижению, например, в 2011 г. эта цифра составила 9%, в 2012 г. – 4,3%, в 2013 г. – 3,4%, в 2014 – 3%, в 2015 и 2016 гг. – 1,1%.

Полагаем, что одной из мер, способствующих возмещению ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, может явиться включение в УК Российской Федерации поощрительной нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности виновного, при условии возмещения им причиненного ущерба. В этой связи считаем, что следует согласиться с Б.З. Маликовым и Ю.В. Пленкиным в том, что: «для общества и государства изоляция осужденного к лишению свободы является как материальным, так и моральным бременем. ...наиболее верным шагом ... является последовательное изменение

уголовной и уголовно-исполнительной политики, направленной на снижение «тюремного населения» страны» [2, с. 6, 142]. Думается позицию этих авторов можно поддержать, но, на наш взгляд, она нуждается в дополнении. Такой подход законодателя вполне оправдан, тем, что виновный будет иметь возможность сохранить заработок для возмещения ущерба и содержания своей семьи. Но главное в том, что это будет сглаживать конфликт, склоняя обе стороны к примирению. Здесь в полной мере осуществляются такие принципы уголовного и уголовно-процессуального права, как социальная справедливость и гуманизм, что соответствует современной уголовной политике нашего государства.

Проведенный нами анализ судебной практики по назначению наказания за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества в период с 2011 по 2015 гг. на территории Республики Башкортостан показал, что по ч. 1 ст. 167 УК Российской Федерации доля осужденных лиц составила - 65,1%, по ч. 2 ст. 167 УК Российской Федерации - 34,9%. При этом виновные были условно осуждены по ч. 1 ст. 167 УК Российской Федерации в 18,9% случаях, а по ч. 2 ст. 167 УК Российской Федерации в 66% случаях. Решение о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием виновного лица и примирением сторон было вынесено по ч. 1 ст. 167 УК Российской Федерации в 40,3% случаях, по ч. 2 ст. 167 УК Российской Федерации в 14,6% случаях.

Как видим, судебная практика фактически уже идет по этому пути. Нужен лишь соответствующий закон, который определяется сегодня самой жизнью. В этой связи представляется целесообразным включение в УК Российской Федерации поощрительной нормы, которая в случае возмещения виновным причиненного материального ущерба в полном объеме, предусматривала бы освобождение виновного от уголовной ответственности. Например, в виде примечания к ст. 167 УК Российской Федерации следующего содержания: «Лицо, совершившее

деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно возместило в полном объеме причиненный ущерб и примирилось с потерпевшим».

Административная практика органов внутренних дел является одной из мер, оказывающих не только предупредительный, но и профилактический эффект. Анализ изученных нами материалов проверок на территории Республики Башкортостан, по которым были вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК Российской Федерации, за 2011-2016 гг. показал, что протоколы об административном правонарушении по ст. 7.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП Российской Федерации) составлялись крайне редко, например в 2011 г. из 7053 случаев вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела только 549 были составлены протоколы об административном правонарушении по ст. 7.17 КоАП Российской Федерации (7,8%), а в 2016 г. из 21137 случаев – 113 протоколов (0,5%).

Очевидно, что в случае отсутствия оснований для привлечения к уголовной ответственности за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, но при наличии признаков административного правонарушения, содеянное виновными лицами должно получать соответствующую оценку. Это позволило бы не оставить безнаказанным лицо, допустившее такое поведение, и оказало бы общепредупредительное воздействие на остальных граждан. Но на практике это не происходит.

Обращает внимание также тот факт, что имеющаяся в КоАП Российской Федерации ст. 7.17, предусматривающая ответственность за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества предусматривает только один вид наказания - штраф в размере от 300 до 500 рублей. Наличие только одного вида наказания, тем более в таком размере является практически не эффектив-

ным. Например, виновный, чьи доходы превышают в разы указанный размер штрафа, вряд ли осознает характер своего поведения и «прочувствует» предупредительное воздействие наказания. Напротив, для многодетного виновного штраф негативно повлияет на семью. Считаем, что более эффективное воздействие не только на самого правонарушителя, но и других лиц, оказало бы выполнение таким правонарушителем обязательных работ (бесплатных общественно полезных работ) налагаемых в административном порядке.

Одним из условий, способствующих совершению умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, является отсутствие уличного освещения и систем видеонаблюдения в общественных местах, поскольку освещенность и присутствие видеокамер для многих потенциальных преступников выступает в качестве сдерживающего фактора. Сегодня для контроля за ситуацией на улицах и общественных местах используется аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», который реализуется медленно, так как требует больших материальных затрат и ориентирован в основном на город, и не всегда позволяет установить личность преступника (особенно, если преступник владеет приемами маскировки). Об этом свидетельствуют и материалы следственно-судебной практики, когда потерпевшие через социальные сети обращаются с просьбой ко всем водителям просмотреть записи с автомобильных видеорегистраторов для опознания и установления личности преступника. В этой связи считаем целесообразным внести в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» дополнения следующего содержания: «установить на все виды транспортных средств, выпускаемых заводом изготовителем, начиная с 1 января 2018 г., видеорегистраторы с круговым обзором и необходимым объемом памяти».

Особое место среди причин и условий совершения умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества занимают алкоголизация населения,

особенно молодежи. К сожалению, в настоящее время на законодательном уровне не определен механизм лечения лиц, страдающих алкоголизмом, хотя вполне было бы возможно решение этой проблемы при использовании опыта советских принудительных лечебно-профилактических учреждений. Примечателен в этом отношении опыт ряда зарубежных государств, таких как Белоруссия, Туркменистан. Следует отметить, что Федеральный закон № от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[6] содержит положения о видах профилактики правонарушений, основания для осуществления профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия. Представляется, что в качестве одной из форм профилактического воздействия было бы целесообразным включение такой формы как помещение в лечебно-профилактическое учреждение лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией для их принудительной изоляции и медико-социальной адаптации с обязательным привлечением к труду

В этой связи предлагаем внести изменения и дополнения в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» следующего содержания:

1) дополнить часть 1 статьи 17 пунктом: «б¹ помещение в лечебно-профилактическое учреждение лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией для их медико-социальной адаптации с обязательным привлечением к труду»;

2) часть 2 статьи 17 указанного закона изложить в следующей редакции:

«Профилактику правонарушений в формах предупредительного воздействия, предусмотренного пунктами 2-б¹ части 1 настоящей статьи, в пределах установленной компетенции вправе осуществлять должностные лица следующих органов: прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, внутренних дел, федеральной службы безопасности, уго-

ловно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им законодательством Российской Федерации».

Кроме того, в профилактических целях считаем, необходимым дополнить указанный закон статьей 27¹ Помещение в лечебно-профилактическое учреждение лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией:

«Статья 27¹ Помещение в лечебно-профилактическое учреждение лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией

Помещение в лечебно-профилактическое учреждение для медико-социальной адаптации с обязательным привлечением к труду лиц, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, которые в течение года два и более раза привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном по-

треблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, и в отношении которых в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 17 настоящего Закона было объявлено официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Примечание.

Не подлежат помещению в лечебно-профилактическое учреждение:

- лица, не достигшие возраста восемнадцати лет;
- лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста;
- беременные женщины;
- инвалиды I и II группы».

Полагаем, что реализация указанных предложений позволит добиться некоторого снижения количества умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества.

Список литературы

1. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / ред. ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. - М.: ИКД Зерцало-М, 2002. - 403 с.
2. Набиев Ф.Ф., Николаева Т. Н. К вопросу о предмете умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Черные дыры в российском законодательстве. - 2015. - № 6. - С. 47-50.
3. Маликов Б.З., Пленкин Ю.В. Изоляция осужденных к лишению свободы: проблемы правового выражения и реализации.- Самара: Изд-во Самарского юридического института ФСИН России, 2005. - 168 с.
4. Российская газета. - 2002. - 19 июня.
5. Рыбак А. Административная преюдиция в уголовном праве // <http://criminalpravo.ru/index.php/moi-nauchnyestati/72-administrativnaya-preyuditsiya-v-ugolovnom-prave.html>.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - № 26 (часть I). - Ст. 3851.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4256.

Реализация уголовной политики на территории муниципального образования

В статье рассмотрены вопросы реализации уголовной политики на муниципальном уровне. Особое внимание обращено положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации об активном участии органов местного самоуправления в решении предусмотренных Стратегией задач, в том числе в сфере реализации уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, органы местного самоуправления, муниципальное образование, Стратегия национальной безопасности.

M. Babaytsev

Realization of Criminal Policy on Territory of Municipality

The article covers questions of realization of criminal policy at the municipal level. Special attention is paid to provisions of Strategy of National Security of the Russian Federation about active participation of local self-government in solution of tasks provided by Strategy, including sphere of realization of criminal policy.

Key-words: criminal policy, bodies of local self-government, municipality, Strategy of National Security of the Russian Federation.

Вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства сегодня являются первостепенными для разрешения. И это задача не только правоохранительных органов, но и самого общества, создаваемых общественных институтов. В этой связи на современном этапе развития российского общества совершенно справедливо все большее внимание уделяется определению роли органов местного самоуправления в реализации государственной политики, в том числе в области обеспечения национальной безопасности. Исходя из этого, сегодня требуется дополнительно изучить и предложить направления совершенствования правовых основ деятельности органов местного самоуправления по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на территории муниципального образования, их взаимодействия с органами внутренних дел и иными государственными органами и организациями в деле реализации уголовной политики государства.

В целом, как отмечается в юридической литературе, уголовную политику

можно охарактеризовать как идейную и правовую основу для определения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, социально-профилактических и иных мер борьбы с криминалом. Эта политика определяет основные задачи, методы, силы и средства борьбы с преступностью исходя из объективных закономерностей развития общества и принципов реформирования государства. Она призвана согласовывать систему соответствующих правовых норм и их практическую реализацию с основными общечеловеческими ценностями» [1, с. 4]. И здесь совершенно верно акцентировано внимание не на общегосударственные интересы, а на интересы каждого отдельно взятого гражданина. Именно гражданин, права и свободы личности, их соблюдение и охрана выступают ориентиром в деятельности всех государственных, особенно правоохранительных, органов, а также органов местного самоуправления, которые ближе всего к людям, которые находятся на территории муниципального образования, в котором люди проживают, работают, растят детей,

и на которые каждый отдельно взятый гражданин ориентируется при оценке работы всей системы власти в государстве.

Исходя из этого, совершенно верно при формулировании положений новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [5] обращено особое внимание на роль органов местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, в реализации основных направлений уголовной политики страны.

В отличие от содержания прежде действовавшей Стратегии национальной безопасности до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [4], новый документ учитывает приоритет обеспечения жизнедеятельности личности на территории его проживания и требует максимально полного вовлечения в этот процесс органов местного самоуправления.

В Стратегии 2009 г. лишь три раза упоминалось о вовлечении органов местного самоуправления в решение задач, направленных на обеспечение национальной безопасности, когда речь шла о повышении эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, а также разработки системы принятия превентивных мер по снижению риска террористических актов и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера (п. 43); о рациональной государственной региональной политике (п. 59) и о реализации принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер, направленных на развитие региональной экономики и социальной сферы, включая выравнивание их бюджетной обеспеченности (п. 65).

При этом у органов местного самоуправления гораздо больше полномочий и задач, которые они способны решить для обеспечения безопасности и в

целом жизнедеятельности населения, проживающего на территории муниципального образования.

Так, на расширенной коллегии ГУ МВД России по Краснодарскому краю 22 января 2016 года губернатор В. Кондратьев отдельно акцентировал внимание, что за 9 месяцев 2015 года в крае зарегистрировано 5,5 тыс. преступлений, что на 8,8% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Наблюдается рост краж на 15,6%, особенно в станицах и хуторах. В самом городе Краснодаре отмечается рост тяжких и особо тяжких преступлений, грабежей, разбоев, угонов машин. А в нынешних непростых экономических условиях рост преступности – это дополнительное напряжение в обществе» [2].

И здесь в настоящее время ведущую роль получают органы местного самоуправления, которым государство делегирует необходимые полномочия в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности населения и от которых граждане ждут реализации конституционных прав и свобод.

В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] к вопросам местного значения городского, сельского поселения (ст. 14) относятся: обеспечение безопасности дорожного движения; участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения; создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов; участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения; обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения; организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природ-

ного и техногенного характера; создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно-спасательных формирований на территории поселения; осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охране их жизни и здоровья; оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин; осуществление мер по противодействию коррупции в границах поселения и многое другое.

В этой связи в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. совершенно обоснованно делается акцент на активном участии органов местного самоуправления в решении задачи обеспечения национальной безопасности.

Так, Стратегия сегодня уже в разделе «Общие положения», то есть ключевые, основные положения, определяет, что ее реализация призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (п. 3).

Согласно Стратегии важным направлением обеспечения национальной безопасности является защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, создание условий пожарной безопасности (п. 49). Оно осуществляется путем совершенствования и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ее территориальных и функциональных подсистем, а также путем повышения эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. В этой области

развитие системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций, внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения, поддержания на должном уровне современной технической оснащенности и готовности пожарно-спасательных сил, развитие системы принятия превентивных мер по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций и пожаров на основе совершенствования надзорной деятельности, проведение профилактических мероприятий, а также формирование культуры безопасности жизнедеятельности населения также во многом зависит от эффективной работы органов местного самоуправления.

Для противодействия угрозам качеству жизни граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества: совершенствуют защиту прав и свобод человека путем развития законодательства, судебной и правоохранительной систем; принимают меры по защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; обеспечивают развитие информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества; совершенствуют систему контроля за использованием бюджетных ассигнований и механизм государственно-частного партнерства в целях повышения качества жизни граждан.

В целях противодействия угрозам в сфере охраны здоровья граждан органы местного самоуправления на своем уровне обеспечивают: контроль качества работы медицинских организаций, внедрение единых критериев оценки работы лечебно-профилактических учреждений; развитие профилактической медицины и первичной медико-санитарной помощи, внедрение новых организационных форм оказания медицинской помощи, в том числе в сельской местности и труднодоступных местностях; повышение эффективности оказания скорой специализиро-

ванной, медицинской помощи, совершенствование организации медицинской эвакуации; развитие медицинской реабилитации населения; возрождение традиций милосердия (ст. 75).

Особую роль органы местного самоуправления выполняют в сфере противодействия угрозам в области экономической и экологической безопасности, рационального природопользования и во многих иных сферах, где население на отдельно взятой территории ждет именно от муниципалитетов создания надлежащего уровня жизни, высокого уровня безопасности в месте своего проживания.

Особо следует отметить, что раздел V «Организационные, нормативно-правовые и информационные основы реализации Стратегии» называет органы местного самоуправления неотъемлемой частью каждого из названных элементов, и только консолидация усилий и ресур-

сов органов государственной власти и органов местного самоуправления позволит реализовать целеопределяющие положения рассматриваемого руководящего документа в области обеспечения национальной безопасности нашей страны. В свою очередь, в настоящее время уголовное, административное и иное законодательство, регламентирующее вопросы безопасности личности, общества и государства, их защищенность от правонарушений и преступлений, требует приведения в соответствие с рассмотренными стратегическими положениями, чтобы органы местного самоуправления могли реально на деле использовать свои полномочия в области обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, реализуя государственную уголовную политику на территории муниципального образования.

Список литературы

1. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М.: Форум, 2014. - 208 с.
2. Оценка удовлетворительно, но... // МК «На Кубани». - 2016. - 27 января - 3 февраля.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - № 20. - Ст. 2444.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - № 1 (часть II). - Ст. 212.

К вопросу о комплексе профилактических мероприятий по противодействию терроризму в Российской Федерации

В статье рассмотрены особенности противодействия терроризму в современной России. Автором предложен ряд мер профилактического характера, направленных на совершенствования противодействия терроризму.

Ключевые слова: противодействие терроризму, Интернет, идеология, религия.

D. Rudov

To Question of Complex of Prophylaxis Actions for Counteraction to Terrorism in the Russian Federation

The article covers features of counteraction to terrorism in the modern Russia. The author has offered a number of measures of prophylaxis character directed on improvement of counteraction to terrorism.

Key-words: counteraction to terrorism, Internet, ideology, religion.

На современном этапе развития Российской Федерации терроризм является, пожалуй, одной из самых актуальных угроз безопасности. И, несмотря на предпринимаемые меры, эта угроза не уменьшается, а в последние несколько лет ее актуальность только возрастает.

Террористическими организациями для пропаганды идей терроризма среди граждан Российской Федерации и вербовки новых членов широко используются возможности различных социальных сетей, при этом создается большое количество сайтов, страниц и других ресурсов в целях пополнения рядов незаконных вооруженных формирований и их пособников.

Посредством этих ресурсов проводится изучение будущих сторонников путем сбора информации о пользователях, которые просматривали сайты, проявили повышенный интерес, после чего происходит контакт через виртуальное пространство, осуществляется знакомство, проводится психологическая обработка и последующая вербовка.

В сетях регулярно распространяется информация, опровергающая или жестко критикующая внешнюю и внутреннюю политику Российской Федера-

ции, при этом используется религиозная трактовка освещаемых событий, приводятся высказывания «богословов», проповедующих экстремистскую и террористическую идеологию, происходит героизация «лидеров» и «мучеников» таких движений, размещаются ссылки на их видео-релизы. Террор указывается единственной мерой борьбы за права «притесняемых» мусульман, демонизируется враг, которого нужно уничтожить [1, с. 45].

Успешное противодействие этой своеобразной чуме XXI в. возможно лишь при комплексном использовании целого ряда мероприятий и активном взаимодействии правоохранительных органов и общества в целом, координации деятельности и взаимном обмене накопленным опытом борьбы.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [2] образован национальный антитеррористический комитет (НАК), координирующий деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по

противодействию терроризму. Одновременно для координации деятельности указанных субъектов противодействия создаются антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации. В связи с этим важное значение приобретает своевременный обмен информацией, представляющей оперативный интерес, между ведомствами и спецслужбами. Такой обмен необходимо осуществлять на постоянной основе. В части информации, не относящейся к ограниченному пользованию, обмен происходит на достаточно высоком уровне. Проблемным пока остается обмен информацией, относящейся к государственной тайне. Здесь целесообразен опыт использования возможностей Единой информационно-коммуникационной системы (ЕИТКС) в системе МВД России, где все пользователи подключены в систему с индивидуальным доступом. Аналогичным образом в каждой взаимодействующей структуре целесообразно подготовить сотрудника с соответствующей формой допуска и возможностью регистрации в единой системе.

Сегодняшние реалии требуют от государства и общества в целом поиска и реализации целого комплекса действенных мер по противодействию терроризму. Совместная каждодневная работа министерств и ведомств Российской Федерации (НАК, МВД, ФСБ, Генпрокуратуры), а на международном уровне – МИД России и Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР России) с Минюстом России, Минкомсвязью России, Роскомнадзором, Росмолодежью, Роспечатью, государственными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления (МСУ), образовательными учреждениями и средствами массовой информации (СМИ) позволит достигнуть значительных успехов в борьбе с терроризмом.

При этом, как показал опыт государств, ранее столкнувшихся с терроризмом, применения одних силовых методов недостаточно, поскольку купируются только последствия, а успехи носят временный характер. Террористические ор-

ганизации быстро восстанавливаются за счет вербовки новых членов. Не решается сама проблема их проникновения в страну, вовлечения граждан; минимизируется, но не устраняется причиненный ущерб.

Важное значение получает изучение зарубежного опыта борьбы с терроризмом, в том числе таких государств, как Израиль, США, Великобритания. Среди основных направлений по изучению опыта можно выделить:

- изучение национального законодательства;
- изучение опыта работы полицейских подразделений и спецслужб;
- профилактическая работа по противодействию терроризму;
- деятельность в сфере международного сотрудничества.

Этот опыт позволит своевременно вносить изменения в нормативную базу, регламентировать деятельность правоохранителей в зависимости от появляющихся угроз.

Так, изучение опыта Великобритании по борьбе с ирландскими террористическими организациями показало, что дополнением к силовому методу становятся превентивные способы борьбы с терроризмом. В их числе программы по адаптации, которые предусматривают постепенный отказ от агрессивной идеологии со стороны государства. Цель – переориентация граждан из группы риска на отказ от террористической идеологии, получение гарантий со стороны государства, в том числе социальных, работа с молодежью, начиная с образовательных учреждений [1, с. 46].

Государственный департамент США инициировал создание аккаунта в Твиттере «Think Again Turn Away» («Подумай еще раз и поверни назад»). Его задача – личное переубеждение пользователей, поддерживающих экстремизм, или выступающих с резкой критикой США, препятствие набору рекрутов в террористические организации, публикации фотографий раненых или убитых террористов [1, с. 46].

Принятие действенных мер противодействия возможно лишь при изучении сущности явления, способов его проявления, участников. В данном направлении важно изучать личность террористов, поскольку, перефразируя известное выражение, можно сказать, что террористами не рождаются, ими становятся. Этот процесс происходит зачастую в силу тяжелой жизненной ситуации, отсутствия постоянного заработка, трагедии, случившейся в семье, нередко по идейным соображениям, а также в связи с обманом на религиозной почве и довольно часто в виду обычного желания заработать во время участия в вооруженных конфликтах. Зачастую граждане становятся на путь терроризма в силу отсутствия возможностей для самореализации. Влиянию идеологии терроризма, как выяснила А.Ю. Спицина, в своем большинстве подвержены студенты (учащиеся), безработные или разнорабочие с низким доходом, социально незащищенные и потерявшие близких в вооруженных конфликтах, пострадавшие от несправедливых действий властей и коррупции, нередко сельские жители или жители менее развитых экономически регионов. При этом даже не всегда может быть важна исповедуемая ранее религия. Наиболее подвержена влиянию молодежь в возрасте до 25 лет [3, с. 19]. Однако не защищены и студенты из благополучных семей: так, правоохранительными органами пресекались неоднократные попытки российских студентов проникнуть в ряды ИГИЛ через территорию Турции.

Особое значение принимает противодействие информационной войне с терроризмом. Интернет – грозное оружие. Государство и общество должны продумывать свою политику как при обращении с этим оружием, так и в борьбе с ним. Деятельность по выявлению информационных каналов пропаганды терроризма осуществляется, как правило, в несколько этапов: сбор информации, анализ, выявление сайтов, распространяющих идеи терроризма и экстремизма.

После этого происходит передача информации о таких выявленных сайтах

в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для внесения требований в Роскомнадзор блокировки сайтов, а также веб-ресурсов, киви-кошельков, через которые осуществляется финансирование экстремистской и террористической деятельности.

Одновременно должна проводиться работа по выявлению и приданию гласности информации о спонсорах, лицах, выступающих за «демократию», но фактически финансируемых иностранными правительственными и неправительственными организациями, организациями и физических лицах, причастных к экстремистской деятельности и терроризму. Необходимо шире использовать возможности Росфинмониторинга и банковских учреждений для выявления источников и каналов финансирования экстремизма и терроризма.

Генеральная прокуратура Российской Федерации и МВД России совместно с общественными организациями должны на постоянной основе продолжать работу по определению провайдеров, которые не замечают сайты террористов. Здесь целесообразно использовать опыт мониторинга сетей и СМИ, центров по противодействию экстремизму и подразделений по борьбе с преступлениями в сфере компьютерных технологий. Необходимо в доступных местах, в том числе на электронных ресурсах размещать телефоны, адреса электронной почты для связи с сотрудниками правоохранительных органов, привлекать неравнодушную молодежь из числа активных пользователей Интернета, в том числе обладающих навыками программирования.

Требуются проработка и законодательное закрепление процедуры внесудебного или упрощенного судебного порядка ограничения или полного запрета доступа к информации, содержащей публичное оправдание терроризма, экстремизма, пропаганды превосходства по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности либо направленной на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Вместе с тем одного выявления и запрета работы сайтов недостаточно. Вместо запрещенного сайта мгновенно появятся десятки новых. Поэтому более эффективными мерами станут привлечение научного и экспертного сообщества, разработка и внедрение программ для выявления и блокировки таких сайтов.

Одновременно необходимо расширять работу с гражданами других религиозных конфессий по недопущению навязываемой извне идеологии о разрушительной деятельности ислама.

Очень важно разговаривать с людьми, поднимать «неудобные» темы, не бояться их освещать, показывать отношение к этому государства, его неравнодушие к судьбам граждан. Зачастую отсутствие комментариев официальных представителей власти заставляет журналистов и граждан самостоятельно искать ответы, домысливать различные ситуации, а порой и существенно их искажать. Этим часто пользуются как сами террористы, так и другие откровенно враждебные России СМИ и общественные организации. Опыт показывает, что на граждан более существенное влияние оказывает именно первичная информация, а все последующие действия выглядят как попытка оправдаться.

В связи с этим интересны предложения российских исследователей по созданию корпораций с государственным участием для разработки целевых проектов и программ развития индустрии информационной, коммуникационной и развлекательной продукции и связанной с ней сферой услуг, производство экспертизы развлекательных проектов, продвижение и распространение отечественных развлекательных и обучающих программ для молодежи, создание инвестиционной платформы для стимуляции и развития гуманистической и пророссийской идеологии, объединяющей молодежное сообщество, выявление, продвижение и развитие талантливых молодых людей, в том числе лидеров.

Другим аспектом является создание в гуманитарных образовательных учреждениях высшего образования факуль-

тетов по предметному изучению современных проблем наций и национальных отношений, выпуск профилирующей научной литературы.

Важно активно использовать разъяснительную работу среди молодежи: не запрещать, а объяснять; показывать судьбы лиц, связавших себя с терроризмом, поддавшихся на уговоры, погибших в конфликтах и терактах; создавать атмосферу непримиримости и непринятия террора всем обществом. Показателен опыт главы Чеченской республики Рамзана Кадырова по работе как с родственниками террористов, так и с самими гражданами, которых удалось вернуть домой.

Поистине бесценна работа мусульманских лидеров, священнослужителей по противодействию экстремистской и террористической пропаганде, в том числе с категорией лиц, попавших под влияние террористов, иногда и отдающих свою жизнь в этой борьбе. Актуальность такой работы отмечена Президентом Российской Федерации на открытии Московской Соборной мечети 23 сентября 2015 г. Она касается расширения мусульманских культурных и научно-просветительских центров, объединяющих мусульман, передающих духовный, культурный и нравственный код, присущий традиционному исламу в России, содействующих воспитанию молодых людей. Президентом Российской Федерации отмечена большая роль мусульман и, прежде всего, духовных лидеров в укреплении межнационального и межрелигиозного согласия. Отмечена важность воспитания мусульманской молодежи на традиционных исламских ценностях, пресечения попыток навязать чуждые мировоззренческие установки, которые не имеют ничего общего с подлинным исламом, основанным на принципах гуманизма, милосердия и справедливости [4].

Не менее важно шире использовать опыт проведения семинаров и конференций среди самих священнослужителей, поскольку методы пропагандистской работы террористов видоизменяют-

ся, ими используются современные технологии влияния на людей. Государство и духовенство должны идти на шаг вперед. Этому будет способствовать регулярный обмен положительным региональным опытом борьбы с терроризмом и экстремизмом. Очень важна идея, поддержанная Президентом Российской Федерации, создания на территории Российской Федерации Булгарской исламской академии, духовного и научного центра российских мусульман.

При этом важно использовать влияние духовных лидеров основных религий, исповедуемых на территории России, на молодое поколение, в том числе и на медийном пространстве, в социальных сетях, которыми в основном и пользуется молодежь.

Эта работа должна носить постоянный и наступательный характер, причем начинать необходимо уже с дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений. Важно обучение и образование детей не только основам национальных религий, но и правильному их толкованию, осуждению радикальных идей, религиозной и национальной нетерпимости. Важно не допустить европейских ошибок понимания толерантно-

сти, где терпимость должна проявляться только со стороны коренных граждан, а переселенцы и беженцы с Ближнего Востока, стран Африки не уважают национальные традиции и другие религии.

Необходимо прививать будущим гражданам Российской Федерации не только взаимное уважение к другой национальности или религии, но и отстаивание семейных и национальных ценностей, непримиримой борьбы с какими-либо проявлениями экстремизма и терроризма.

Как уже было отмечено ранее, на сегодняшний день терроризм является наиболее острой проблемой, как отдельных государств, так и мира в целом. Профилактическая работа в учреждениях дошкольного и школьного образования, активное выявление и оперативное блокирование интернет-сайтов, пропагандирующих экстремистскую и террористическую деятельность, а также каналов связи и финансирования террористических организаций, совместная работа органов государственной власти, религиозных учреждений и международных организаций помогут свести проявления экстремизма и терроризма к минимуму.

Список литературы

1. Жирухина Е.В. Стратегия силы и превентивности (практика Великобритании) // Вестник Национального антитеррористического комитета. - 2013. - № 1 (08). - С. 45-57.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 8. - Ст. 897.
3. Спицина А.Ю. Категории населения, подверженные влиянию идеологии терроризма, формы и методы воздействия на них при проведении профилактических мероприятий // Вестник Национального антитеррористического комитета. - 2012. - № 2 (7). - С. 19-23.
4. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50351>

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

И.А. Антонов, А.М. Алексеенко

К вопросу о целях и задачах стадии предварительного расследования

В статье рассматриваются вопросы самостоятельности стадии предварительного расследования в уголовном процессе. Авторами раскрывается цель указанной стадии и определяются ее задачи, исходящие из понимания современного назначения уголовного процесса.

Ключевые слова: стадия уголовного процесса, предварительное расследование, цель, задача.

I. Antonov, A. Alekseenko

To Question of Purposes and Tasks of Stage of Preliminary Investigation

The article covers questions of independence of stage of preliminary investigation in criminal procedure. The authors cover purpose of specified stage and it's tasks proceeding from understanding of modern purpose of criminal procedure are defined.

Key-words: stage of criminal procedure, preliminary investigation, purpose, task.

Примечание редакции: И.А. Антонов является научным руководителем адъюнкта А.М. Алексеенко.

Сегодня сохраняется сложная криминогенная обстановка в нашей стране, несмотря на общее снижение уровня регистрируемой преступности. Так, если в 2006 г. органами внутренних дел было рассмотрено 19,3 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, при этом зарегистрировано – 3855,4 тыс. преступлений, то в 2007 г. органами внутренних дел рассмотрено уже 20,53 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 6,6% больше (зарегистрировано же 3582,5 тыс. преступлений), в 2008 г. эта цифра составила уже 21,5 млн. (3209,9 тыс. преступлений), в 2009 году – 22,79 млн. (2994,8 тыс. преступлений), в 2010 г. – 23,88 млн. (2628,8 тыс. преступлений), в 2011 г. – 24,61 млн. (2404,8 тыс. преступлений), в 2012 году – 26,24 млн. (2302,2 тыс. преступлений), в 2013 г. – 28,38 млн. (2206,2 тыс. преступлений), в 2014 г. – 29,28 млн. (2166,4 тыс. преступлений). В 2015 г. зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, что на 8,6% больше, чем за анало-

гичный период прошлого года. В 2016 г. наблюдается некоторое снижение числа зарегистрированных преступлений – до 2 160 063 [4]. Вместе с тем, учитывая проводимые реформы в правоохранительной сфере (сокращение штатной численности органов внутренних дел, ликвидацию ФСКН России и др.), указанные цифры свидетельствуют о ежегодном росте нагрузки на сотрудников органов дознания и предварительного следствия. Это не может не осложнять и достижение назначения уголовного судопроизводства, определяемого ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации, в целом, решение задач, стоящих перед органами, осуществляющими производство по уголовным делам.

Законодатель, учитывая складывающуюся в правоприменительной практике производства по уголовным делам обстановку, пытается найти формы осуществления предварительного расследования в упрощенном порядке, сокращая сроки, упрощая процедуру уголовно-

процессуального доказывания; при этом нельзя забывать о недопустимости сокращения уровня уголовно-процессуальных гарантий лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Предварительное расследование играет ключевую роль в решении задач уголовного судопроизводства, именно на данной стадии осуществляется доказывание причастности лица к совершенному преступлению, установление вида причиненного общественным отношениями вреда для последующего восстановления нарушенных преступлением отношений и возмещения потерпевшему лицу ущерба, подготовка материалов уголовного дела для его судебного рассмотрения и признания лица виновным в совершении им общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом.

Именно это требует при подготовке будущих специалистов для органов дознания и предварительного следствия детально рассмотреть содержание стадии предварительного расследования, определить ее важное значение для достижения назначения уголовного судопроизводства; определить задачи, решаемые на стадии предварительного расследования, круг ее участников; раскрыть формы предварительного расследования и их основное содержание; дать сравнительно-правовой анализ предварительного следствия, как основной формы расследования и дознания, как упрощенной формы расследования, подготовив курсантов к их дальнейшей правоприменительной практике производства по уголовным делам.

Предварительное расследование – стадия уголовного процесса, следует за стадией возбуждения уголовного дела и завершает досудебное производство, обладая всеми признаками самостоятельности [1, с. 266]. Эта стадия имеет:

- самостоятельные цели и задачи;
- свое начало и окончание, сроки, итоговые решения, отделяющие ее от последующей судебной стадии (с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела начинается срок предварительного расследования, который за-

канчивается составлением обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) и направлением уголовного дела прокурору, либо постановления о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, предусмотренных ст. 99 Уголовного кодекса (УК) Российской Федерации, постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК Российской Федерации, постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа или постановления о прекращении производства по уголовному делу);

- определенный круг государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность (суд, прокурор, следователь, дознаватель и др.), и иных участников уголовного судопроизводства, как имеющих в деле собственный уголовно-правовой или гражданско-правовой интерес (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и др.), так и не имеющих такового, а лишь привлекаемых к участию в деле в связи с доказыванием (свидетель, эксперт, специалист и др.), а также лиц, представляющих интересы других участников уголовного процесса (защитник, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, законный представитель и представитель потерпевшего и др.);

- процессуальную форму, свойственную только этой стадии.

Расследование определяется как предварительное потому, что оно предшествует производству в суде, где проводится судебное следствие и принимается от имени государства решение по делу. Сделанные на стадии предварительного

расследования выводы о том, что преступление имело место и о лице, его совершившем, является для суда версией обвинения, которая подлежит проверке и оценке в ходе судебного разбирательства в условиях состязательности и равноправия сторон (ст. 15 УПК Российской Федерации), поскольку признать лицо виновным в совершении преступления полномочен только суд (ст. 49 Конституции Российской Федерации). Однако это вовсе не означает, что орган расследования может ограничиться предположительными выводами. Несмотря на то, что УПК Российской Федерации не содержит ранее действовавшую норму о том, что следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР), лица, осуществляющие предварительное расследование, должны в ходе производства по уголовному делу полноценно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК Российской Федерации), собрать и проверить как обвинительные, так и оправдательные доказательства, а также обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, достоверно установить обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Процесс уголовно-процессуального доказывания должен быть построен таким образом, чтобы собранные доказательства с достоверностью устанавливали все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и были достаточны для признания лица виновным в совершении преступления. В большинстве своем, как показывает судебнo-следственная практика, именно достоверные обоснованные выводы органов предварительного расследования ложатся в основу приговора суда. Кроме того, в настоящее время более половины уголовных дел рассматривается судом в особом порядке с учетом согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением, что свидетельствует о

качестве работы органов предварительного расследования.

В целом, чтобы установить предназначение стадии предварительного расследования, необходимо определить ее цель – конечный результат, которого должны достичь органы предварительного следствия и дознания в ходе досудебного производства по уголовным делам, а также задачи, как средства достижения этой цели.

В уголовно-процессуальном законе нет специальной нормы, посвященной целям и задачам предварительного расследования, но они, вне всякого сомнения, производны от общего назначения всего уголовного судопроизводства, которое законодателем определено в ст. 6 УПК Российской Федерации.

В юридической литературе уже предпринимались попытки сформулировать цели предварительного расследования и раскрыть содержание стадии предварительного расследования, как «деятельность уполномоченных, компетентных государственных органов и должностных лиц, а также вовлеченных в дело заинтересованных и иных участников, целями которой являются: 1) раскрыть преступление; 2) изобличить виновного в совершении определенного преступления либо реабилитировать невиновного; 3) собрать доказательства, достаточные для проведения судебного разбирательства; 4) обеспечить участие обвиняемого в суде; 5) гарантировать решение суда о возмещении вреда, причиненного преступлением» [3, с. 55].

Вместе с тем, именно исходя из положений, определяющих назначение всего уголовного судопроизводства, следует в качестве целей предварительного расследования называть:

1) обеспечение восстановления общественных отношений, нарушенных преступлением;

2) изобличение виновного в совершении преступления и обеспечение его участия в ходе судебного рассмотрения уголовного дела;

3) подготовка материалов уголовного дела к рассмотрению его судом по существу.

В свою очередь, чтобы достичь указанных целей, необходимо решить следующие задачи:

1) раскрыть преступление (эффективное, быстрое и полное раскрытие преступлений);

2) осуществить уголовное преследование лица, виновного в совершении преступления (отказ от уголовного преследования невиновных и реабилитация лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию);

3) установить характер и размер вреда, причиненного преступлением и обеспечить возмещение потерпевшему ущерба по решению суда;

4) с соблюдением строго установленной уголовно-процессуальной формы осуществить уголовно-процессуальное доказывание и качественное оформление материалов уголовного дела, позволяющее суду рассмотреть его по существу;

5) применить меры уголовно-процессуального принуждения, направленные: на обеспечение участия подозреваемого, обвиняемого в ходе расследования и в последующем его участия в судебном разбирательстве; на предупреждение противоправной деятельности подозреваемого, обвиняемого и воспрепятствования производству по уголовному делу; на обеспечение исполнения приговора; на обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства;

б) выявить и принять меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

При этом, на основании всего вышеизложенного считаем возможным указать, что достижение назначения уголовного судопроизводства с соответствующим решением задач на каждой стадии уголовного процесса невозможно без установления объективной истины по делу. Именно установление объективной истины по делу требует от суда, прокурора, следователя, лица, осуществляющего дознание, принятия всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом

мер для всестороннего, полного, непредвзятого и объективного исследования обстоятельств дела, что, в свою очередь, позволяет целенаправленно решить поставленные перед ними обществом и государством задачи. Таким образом, установление объективной истины по уголовному делу выступает основным средством решения задач уголовного судопроизводства.

Определив цели, на достижение которых должны ориентироваться органы расследования и задачи, которые должны решаться в ходе предварительного расследования, необходимо отметить, что рассматриваемая стадия «имеет важное юридическое значение: результаты уголовно-процессуальной деятельности в этой стадии являются необходимыми условиями осуществления правосудия по конкретному уголовному делу и реализации установленной законом уголовной ответственности или же реабилитации невиновного» [2, с. 330].

Стадия предварительного расследования является обязательной по всем делам о преступлениях, за исключением дел частного обвинения, по которым предварительное расследование проводится в факультативном порядке, лишь в случаях предусмотренных ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 21, ч. 2 ст. 147 УПК Российской Федерации.

На этой стадии следователем, дознавателем самостоятельно осуществляется уголовное преследование в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом; за соблюдением законности при этом следит руководитель следственного органа, органа дознания и прокурор, а производство действий и принятие мер, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан, осуществляется под контролем суда. В ходе предварительного расследования, как правило, путем производства следственных действий, происходит установление обстоятельств совершенного преступления и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию, изобличается лицо, его совершившее, ему предъявляется обвинение. В рамках рассматриваемой ста-

дии выполняются и иные процессуальные действия, применяются меры уголовно-процессуального принуждения, обеспечивающие эффективность предварительного расследования, охрану прав и законных интересов различных участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, предварительное расследование представляет собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, в ходе которой специально уполномоченные государственные органы и должностные лица осуществляют

уголовное преследование, собирают, проверяют и оценивают доказательства, устанавливая наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, принимают меры к восстановлению общественных отношений, нарушенных преступлением, и возмещению вреда, меры, направленные на обеспечение судебного разбирательства и разрешение уголовного дела по существу, в результате чего направляют его в суд или прекращают производство по уголовному делу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. В.И. Рохлина. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 653 с.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин. - М.: Юрист, 2006. - 664 с.
3. Уголовный процесс России. Особенная часть / под ред. В.З. Лукашевича. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. - 704 с.
4. <https://мвд.рф/reports/item/9338947>

Международная практика использования специальных знаний сведущих лиц в уголовном процессе (на примере решений Европейского Суда по правам человека)

В статье рассмотрены решения Европейского Суда по правам человека по вопросам использования специальных знаний сведущих лиц в уголовном процессе. Автор приходит к выводу, что современная теория уголовного процесса России требует дальнейших разработок, а процессуальное законодательство, регламентирующее институт использования специальных знаний – совершенствования, в том числе, путем положительной имплементации зарубежного законодательства и практики решений Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, специальные знания, уголовный процесс, экспертиза.

V. Latypov

International Practice of Use of Special Knowledge of Expert Persons in Criminal Procedure (on the Example of Decisions of the European Court of Human Rights)

The article covers decisions of the European Court of Human Rights on use of special knowledge of expert persons in criminal trial. The author comes to a conclusion that the modern theory of criminal trial of Russia demands further developments, and the procedural legislation regulating institute of use of special knowledge needs improvement, including positive implementation of the foreign legislation and practice of decisions of the European Court of Human Rights.

Key-words: universally-recognized norms of international law and international treaties of the Russian Federation, European Court of Human Rights, special knowledge, criminal procedure, expertise.

В соответствии с Конституцией России общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы и в случае возникновения коллизии применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15). В соответствии с данной нормой принят Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [7], предусматривающий как непосредственное действие международно-правовых норм на территории Российской Федерации, так и путем издания соответствующих внутригосударственных актов (ст. 5).

По общему правилу, Россия придерживается лишь ратифицированных международных норм и стандартов. В этой связи решающее значение для действующего процессуального законодательства и правоприменительной практики имеет ратифицированные Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ [8] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколы к ней [9] (далее – Конвенция), в задачи которой входит, в том числе, и регламентация уголовного судопроизводства, что предопределило внутренне содержание действующего в настоящее время Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации. Провозглашенные Конвенцией права и сво-

боды граждан подлежат реализации и защите не только судами Российской Федерации, но и в Европейском Суде по правам человека (ЕСПЧ). То есть граждане России могут обращаться в эту инстанцию с целью отстаивания собственных процессуальных прав, в том числе и на использование специальных знаний сведущих лиц.

Об активности обращения свидетельствует официальная статистика ЕСПЧ за период с 1 января по 1 ноября 2016 г. Так, из общего количества жалоб, ожидающих рассмотрения (74 250, что на 14 % больше, чем аналогичный период 2015 г.), к России как к стране-ответчику подано – 8000 обращений, что немногим меньше, чем в 2015 г. (9 150 или – 11 %) [11].

Приведенная статистика, словно лакмусовая бумага, свидетельствует о недостаточной реализации в ходе правоприменительной деятельности положений Конвенции и о необходимости дальнейшего совершенствования процессуального законодательства России и практики его применения.

Деятельность ЕСПЧ основана на материальных нормах, предусмотренных Конвенцией и протоколами к ней, нарушение норм которой, неуклонно ведет к наступлению процессуальных отношений.

Помимо указанного Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», существует и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [6], дающее толкование судебным органам о роли и значении норм международного права и международных договоров, призывающее к совершенствованию и адаптации правоприменительной практики с международными стандартами по охране, защите прав и свобод граждан.

Однако следует отметить, что обжалование судебных решений в ЕСПЧ не

является самостоятельной стадией уголовного процесса России, в отличие от апелляционной, кассационной или надзорной инстанции. Более того решения, принимаемые ЕСПЧ, не вносят изменений в ранее принятые решения национальных судов и не отменяют их.

В задачи ЕСПЧ входит выявление несоответствия ранее принятых решений положениям Конвенции. В случае обнаружения несоответствия уголовно-процессуального законодательства рассматриваемой страны положениям Конвенции ЕСПЧ возлагает на законодателя обязанность приведения выявленных «дефективных» норм в соответствие с европейскими стандартами.

Ярким примером нарушения фундаментальных прав на защиту, связанным с привлечением сведущего лица, является дело Красуля (Krasulya) против Российской Федерации (постановление от 22 февраля 2007 г. [1]). *Истец сослался на нарушение принципа состязательности сторон в связи с отказом суда Российской Федерации приобщить к рассматриваемому делу в качестве доказательства заключение лингвистической экспертизы. В ходе рассмотрения ЕСПЧ указанной жалобы установлено, что В.А. Красуля 4 января 2002 г., будучи главным редактором одной из Ставропольских газет, допустил публикацию статьи, в которой, по мнению российских правоохранительных органов, содержалась клеветническая информация в отношении губернатора Ставропольского края. В ходе предварительного расследования назначена и проведена лингвистическая экспертиза, не усмотревшая в адрес губернатора каких-либо обвинений. Однако 12 сентября 2002 г. Октябрьский районный суд г. Ставрополя заключение эксперта отверг, сославшись на субъективность его оценки и отсутствие у него разрешения на производство экспертизы в данной области, дав при этом собственную оценку содержанию статьи. На основании собственного заключения суд признал заявителя виновным в распространении заведомо ложной информации. Заявитель совместно с адвокатом*

обжаловали решение суда в судебную коллегия по уголовным делам Ставропольского краевого суда, сославшись на нарушение ст. 10 Конвенции, но судебная коллегия по уголовным делам Ставропольского краевого суда 31 октября 2002 г. вынесенный ранее приговор оставила без изменений. В соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 4 апреля 2003 г. В. А. Красуля подал жалобу в ЕСПЧ. Рассмотрев ее, 22 февраля 2007 г. ЕСПЧ вынес решение о том, что заключение эксперта было важным доказательством, подкрепляющим позицию защиты, избранную заявителем, и решающим при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем. ЕСПЧ единогласно отклонил предварительное возражение властей Российской Федерации, постановил, что в данном деле имело место нарушение ст. 10 Конвенции. Указанное решение свидетельствует о состоятельности института иных участников уголовного судопроизводства в России и его безусловной значимости наравне с другими доказательствами.

Другое, не менее показательное, решение принято ЕСПЧ по делу «Арутюнян (Arutyunyan) против Российской Федерации» (постановление от 10 января 2012 г. [3]), в рамках которого обжалуются негуманные условия содержания лица под стражей в следственном изоляторе, не приспособленном для инвалидов-колясочников, а также незаконный характер и чрезмерная длительность содержания под стражей до суда. Арутюнян, будучи инвалидом I группы, обвинялся в непредумышленном убийстве. В деле имелось большое количество судебно-медицинских заключений описывающих тяжелое состояние обвиняемого: «...В результате основного заболевания (инсулиновый сахарный диабет) пострадала центральная нервная система, сердечно-сосудистая система, органы зрения, почки, желудок и щитовидная железа (заявителя)...

Тяжесть основного и сопутствующих заболеваний (заявителя) нефункционирующий трансплантат, а также со-

держание его под стражей в следственном изоляторе № 5 при отсутствии надлежащего клинического и инструментально-лабораторного контроля способствовали возникновению риска развития несовместимых с жизнью осложнений....

Оказать (заявителю) необходимую медицинскую помощь в условиях следственного изолятора № 5 практически невозможно...

Первый тип инсулинового сахарного диабета и хроническая почечная недостаточность в терминальной стадии, которыми страдал заявитель, включены в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию (заключенным) наказания, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 54».

Эксперты придерживались мнения о том, что медицинский персонал, обслуживающий заявителя, «намеренно недооценивал тяжесть (его) состояния и специально изменил диагноз, подтвержденный ранее специалистами стационарных медицинских учреждений». После указанного, последний был переведен в колонию.

Начальник колонии подал в Ленинский районный суд Астрахани ходатайство об освобождении заявителя в связи с его неспособностью отбывать оставшуюся часть назначенного наказания. Ходатайство начальника было подписано медицинским персоналом больницы колонии, главным врачом Астраханского центра гемодиализа, а также заведующим эндокринологическим отделением Александро-Мариинской областной клинической больницы. Врачи утверждали, что заявитель не может оставаться в колонии и должен постоянно находиться в больнице для проведения терапии по жизнеобеспечению.

Но районный суд отклонил ходатайство об освобождении, признав, что состояние здоровья заявителя частично вызвано его собственными неоднократными неосторожными решениями не принимать лекарства. Европейский Суд единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в

связи с ненадлежащими условиями содержания заявителя под стражей. Более того обязал Россию в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, начисляемые на указанную сумму, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты.

Практика ЕСПЧ богата аналогичными примерами значимости результатов деятельности сведущих лиц по использованию специальных знаний (см., например, постановление от 22 февраля 2011 г. по делу Соаре и другие (Soare and Others) против Румынии (Soare and Others) против Румынии [4], постановление от 20 декабря 2011 г. по делу Финогонов и другие (Finogenov and Others) против Российской Федерации [2].

Об актуальности проблем влияния и значения международных норм и стандартов на национальную правоприменительную практику России свидетельствуют научные исследования в области уголовного судопроизводства и международного права. В частности следует отметить работы: П.К. Баранова, В.Н. Бутова, Л.В. Головки, К.Ф. Гуценко, А.С.

Симагина, К.И. Терехова, А.А. Трефилова, А.В. Чумакова и других.

Не оспаривая весомый вклад указанных ученых, следует отметить, что современная теория уголовного процесса России требует дальнейших разработок, а процессуальное законодательство, регламентирующее институт использования специальных знаний – совершенствования, в том числе, путем положительной имплементации зарубежного законодательства и практики решений ЕСПЧ [5, с. 67-95].

Для успешного достижения поставленных целей следует более пристальное внимание уделять уголовно-процессуальной компаративистике, под которой А.А. Трефилов аргументировано, рекомендует понимать направление в юридической науке, ставящей своей задачей изучение иностранного уголовно-процессуального права и практики его применения путем исследования соответствующих нормативных, доктринальных и иных источников [10, с. 10]. На наш взгляд весьма перспективное направление, дающее возможность на основе глубокого и всестороннего анализа заимствовать положительный опыт зарубежных стран, в том числе, в части касающейся института использования специальных знаний.

Список литературы

1. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2008. - № 7. - С. 62-73.
2. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2012. - № 9. - С. 63-112.
3. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. - 2012. № 9. - С. 113-135.
4. Избранные постановления Европейского Суда: приложение к Бюллетеню Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. - 2012. - № 1. - С. 20-58.
5. Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... канд. юрид. наук. - Уфа. 2013.- 226 с.
6. Российская газета. - 2003. - 2 декабря.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 29. - Ст. 2757.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 14. - Ст. 1514.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 2. - Ст. 163.
10. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. - М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2016. - 1200 с.
11. Статистическая информация о деятельности ЕСПЧ за период с 1 января по 1 ноября 2016 г. // <https://roseurosud.org/espch/evropeiskij-sud-po-pravam-cheloveka#staty>

Реализация принципа законности в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления обвинения

В статье рассматриваются вопросы соблюдения и реализации принципа законности в ходе привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления обвинения. Автором предпринята попытка обобщения возможных ситуаций, при которых допускается нарушение принципа законности, предложены меры, направленные на недопущение таких ситуаций.

Ключевые слова: принцип законности, привлечение лица в качестве обвиняемого, предъявление обвинения.

Zh. Salakhova

Realization of Principle of Legality in Course of Involvement of Person as Defendant and Brining a Charge

The article covers questions of observance and realization of principle of legality during involvement of person as defendant and brining a charge. The author has made an attempt of generalization of possible situations in which violation of principle of legality is allowed, the measures directed to prevention of such situations are proposed.

Key-words: principle of legality, involvement of the person as the defendant, brining a charge.

Одним из основополагающих, руководящих идей уголовного судопроизводства является принцип законности. На соблюдении принципа законности, равно как и остальных принципов уголовного судопроизводства, построена профессиональная деятельность правоохранительных органов России.

В теории уголовного процесса проблема реализации принципа законности в процессе раскрытия и расследования преступлений исследовалась многими учеными-юристами. Свои исследования ей посвятили: С.М. Даровских, А.Ю. Епихин, К.Б. Калиновский, Э.К. Кутуев, А.А. Тарасов, С.А. Шейфер, А.А. Ширванов, С.П. Щерба, П.С. Элькинд, Н.А. Якубович, Р.Х. Якупов и многие другие.

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации число оправданных в 2016 г. составило 3739 человек (за аналогичный период 2015 г. - 4658) [6]. Несмотря на положительную тенденцию, статистика достаточно впечатляющая и

свидетельствует о необходимости выработки системы мер по укреплению реализации принципа законности при производстве предварительного расследования со стороны лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (властных субъектов).

Привлечение лица в качестве обвиняемого является одним из основных элементов процессуальной деятельности следователей и центральным звеном в уголовном деле. И, как показывает практика, большинство ошибок и иных нарушений закона, связанных с выдвижением первоначального обвинения, влекут за собой самые неблагоприятные последствия как для состояния законности при производстве предварительного расследования в целом, так и для отдельных уголовных дел.

Основанием привлечения лица в качестве обвиняемого, согласно ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации, является «наличие достаточных доказательств,

дающих основание для обвинения лица в совершении преступления». Указанная формулировка закона неясно указывает основание выдвижения первоначального обвинения. Это приводит к возникновению проблем в правоприменительной практике и научных споров в теории.

Вместе с тем, от правильного решения вопроса о достаточности во всех конкретных случаях доказательств для обвинения лица в совершении преступления, будет зависеть своевременность законность и обоснованность предъявления обвинения.

Представляется, формулировка ч. 1 ст. 171 УПК Российской Федерации «наличие достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления» неясно характеризует обоснованность такого решения и поэтому нуждается в уточнении. Однако в литературе также были предложены варианты решения данной проблемы. К примеру, было предложено использовать в законе подобную формулировку: «при наличии доказанных обстоятельств» [3, с. 68]. Несмотря на это, данная формулировка не разрешает основную проблему достоверности или вероятности, т.е. достаточности доказательств.

Согласно мнению И.Я. Фойницкого: «обвинение как требование, о судебном признании которого ходатайствует обвинитель, имеет то же содержание, что и судебный приговор по делу; оно есть как бы проект судебного приговора, предлагаемый обвинителем и устанавливающий для суда известные границы» [4, с. 46]. Как раз из данной теоретической предпосылки следует исходить при анализе проблемы содержания постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. И.Я. Фойницкий выделил основные четыре составляющие обвинения:

- 1) указание лица, обвиняемого в преступном деянии;
- 2) обозначение имени самого обвинителя;
- 3) указание преступного деяния, учиненного обвиняемым и его предполагаемой квалификации;

4) указание доказательств, подтверждающих обвинение.

Следующим моментом фактической стороны обвинения являются подтверждающие его доказательства. По данному вопросу имеются значительные практические проблемы и научные споры. Действующий уголовно-процессуальный закон в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не обязывает указывать ссылки на доказательства, подтверждающие обвинение (ч. 2 ст. 171 УПК Российской Федерации). Данное правило применяется на практике повсеместно.

В результате анализа можно прийти к такому выводу: признавая приоритет международно-правовых и конституционных норм перед отраслевым законодательством, несмотря на существующий пробел в процессуальном законе, необходимо признать обязанность следователя указывать основные доказательства обвинения в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Наиболее частым нарушением процедуры на практике при предъявлении обвинения признается неразъяснение (формальное разъяснение) прав обвиняемого. Ни для кого не секрет, что в некоторых случаях следователи ограничиваются лишь тем, что дают обвиняемому просто прочесть на бланке его права. В данном случае, по мнению М.А. Михайлова, Т.В. Омельченко [1, с.194], при ознакомлении с постановлением внимание обвиняемого сосредоточивается, в первую очередь, на содержании обвинения, его последствиях и на предстоящем в ближайшее время допросе. В связи с этим требуется содержательное разъяснение прав. Для того чтобы человек имел возможность воспользоваться своими правами, которые должны разъясняться ему полно и неофициально.

Процедура предъявления обвинения состоит из таких этапов, как:

- 1) письменное уведомление обвиняемого о дне предъявления обвинения и разъяснения таких вопросов, которые связаны с назначением или приглашением защитника;

2) удостоверение личности обвиняемого и защитника;

3) объявление постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;

4) разъяснение сущности обвинения;

5) разъяснение прав обвиняемого;

6) фиксация в постановлении этих данных;

7) вручение копий данного постановления.

Из этого также можно выделить одну из важных проблем.

Представляется, что законодатель не достаточно точно определяет процедуру предъявления обвинения. Так, вначале предъявляется обвинение, а лишь затем разъясняются права обвиняемого, в том числе и право на участие в деле защитника.

Привлечение лица в качестве обвиняемого, в сущности, состоит в выдвижении первоначального обвинения, а именно первого официального утверждения органа предварительного расследования о том, что совершение определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, доказано.

В содержание привлечения в качестве обвиняемого входят такие элементы, как: принятие решения о привлечении в качестве обвиняемого, вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, разъяснение прав обвиняемому, предъявление лицу обвинения, допрос обвиняемого, дополнение и изменение обвинения.

Основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого по ст. 171 УПК Российской Федерации, признается «наличие достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления». Данная формулировка недостаточно точно определяет обоснованность такого решения и потому необходимо ее уточнение.

С целью устранить разногласия в теории и упорядочить правоприменительную практику необходимо согласиться с предложением В.Ш. Харчиковой об изменении редакции ч. 1 ст. 171 УПК

Российской Федерации подобным образом: «*При наличии достаточных доказательств, без сомнения устанавливающих событие преступления, виновность лица в совершении преступления и форму его вины, отсутствие обстоятельств, исключающих наказуемость и преступность деяния, и истечение сроков давности следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого*» [5, с. 77].

Учет внесенных предложений позволит, как нам представляется, усовершенствовать процедуру привлечения лица в качестве обвиняемого, учитывающую интересы, как обвиняемого, так и субъектов стороны обвинения.

Итак, сам принцип законности при производстве по уголовному делу представляет собой требование государства, обращенное к субъектам уголовного процесса, точно и неуклонно соблюдать и исполнять нормы уголовно-процессуального права при расследовании, судебном рассмотрении уголовных дел, прокурорском и судебном надзоре за деятельностью соответственно органов расследования и судов в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

Принцип законности обязывает суд, прокурора, следователя, дознавателя неуклонно следовать установленному федеральным законом порядку производства на всех стадиях процесса, совершать процессуальные действия на законных основаниях и в предусмотренных законом процессуальных формах, основывать свои решения на соответствующих нормах материального и процессуального права, прибегать к мерам процессуального принуждения лишь в установленных законом случаях, строго соблюдать предусмотренные законом правила собирания и закрепления доказательств [2, с. 85].

Институт предъявления обвинения представлен в ст.ст. 171-175 УПК Российской Федерации, а саму процедуру можно представить в нескольких этапах:

Во-первых, это лицу, ведущему расследование необходимо удостоверить

в достаточности собранного материала, для предъявления обвинения.

Во-вторых, необходимо составить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого.

В-третьих, уведомить подозреваемого и его защитника о дате, месте и времени предъявления обвинения.

В-четвертых, сама процедура предъявления обвинения и допрос обвиняемого.

И в исключительных случаях, в зависимости от обстоятельств расследованного уголовного дела, это изменение и дополнение ранее предъявленного обвинения.

Проведенный анализ судебной и следственной практики позволяет выделить ошибки, допускаемые на данном этапе расследования, которые, безусловно, сказываются на реализации принципа законности.

Ошибки, как правило, связаны с оценкой наличия достаточности собранной доказательственной базы, что ведет к нарушению лица, ведущим расследование (следователем, дознавателем) сроков расследования, волоките уголовного дела, когда существенно затягивается момент предъявления обвинения.

Другая группа ошибок связана непосредственно с процедурой предъявления обвинения:

- наиболее распространенными ошибками у начинающих следователей является «сырость» самого постановления о привлечении лица. Практика выработала достаточно рабочий алгоритм действий в данном случае: когда составленное первичное постановление согласовывается (не процессуально) с руководителем следственного органа, но это бывает недостаточно. Согласованное постановление предъявляется для ознакомления курирующему прокурору, который, как правило, вносит немало коррективов и в свою очередь осуществляет надзорную функцию (также, не процессуально);

- нарушение процессуального порядка предъявления обвинения, предусмотренного ст. 172 УПК Российской Федерации, также является одним из ос-

нований признания данной процедуры не соответствующей принципу законности. Следователь, удостоверившись в личности обвиняемого, объявляет ему и его защитнику, если он участвует в уголовном деле, постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. При этом следователь разъясняет обвиняемому существо предъявленного обвинения, а также его права, предусмотренные ст. 47 УПК Российской Федерации, что удостоверяется подписями обвиняемого, его защитника и следователя на постановлении с указанием даты и времени предъявления обвинения;

- даже в случае соблюдения указанного порядка, имеет место недостаточная реализация закрепленных прав обвиняемого. К примеру, ограничение права на консультацию с защитником после предъявления обвинения перед допросом или вообще не предоставления обвиняемому права на защиту компетентным лицом (адвокатом), не предоставление копии постановления о привлечении лица, в качестве обвиняемого. Об этом свидетельствует и анализ судебной практики. Так, Ленинградский районный суд г. Калининграда в постановлении № 3/7-335/2010 от 28 октября 2010 г. по жалобе Т. признал, что: *«месте с тем, как установлено в судебном заседании, копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого от ДД.ММ.ГТТГ, в нарушении требований ст. 172 ч.8 УПК РФ, не была вручена обвиняемому С. Сведения, свидетельствующие о вручении обвиняемому С копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого от ДД.ММ.ГТТГ, в материалах уголовного дела отсутствует, и в судебное заседание данные сведения органом следствия не представлены.*

При таких обстоятельствах, действия следователя Г. по не вручению обвиняемому С копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого от ДД.ММ.ГТТГ, являются необоснованными» [7].

Действительно, ситуаций, влекущих нарушение принципа законности, может быть предостаточно;

- наиболее остро вопрос о соблюдении законности стоит в случае изменения или дополнения ранее предъявленного обвинения. Закон требует повторного полного порядка предъявления, но властный субъект, заверенный отсутствием копии, ранее предъявленного постанов-

ления у стороны защиты, может «упростить» для себя эту процедуру заменив в деле необходимый лист, что равносильно служебному подлогу, и нарушению законности.

Список литературы

1. Михайлов М.А., Омельченко Т.В. Проблемы и перспективы организации предварительного расследования: конференция в Академии Следственного комитета Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2015. - № 3 (67). - С. 194-218.
2. Самойлов А.Ю. Особенности выдвижения версий на первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых на предприятиях химической и нефтеперерабатывающей промышленности // Проблемы экономики и юридической практики. - 2011. - № 6. - С. 85-86.
3. Сердечная Р.Г. Привлечение в качестве обвиняемого и осуществление принципов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград. 1999. - 188 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. - СПб.: Альфа, 1996. - 607 с.
5. Харчикова В.Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. - Кемерово. 2004. - 207 с.
6. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
7. <https://rospravosudie.com/court-leningradskij-rajonnyj-sud-g-kaliningrada-kaliningradskaya-oblast-s/act-102356159>

Частное постановление (определение) как форма осуществления функции предупреждения преступления по делам частного обвинения

В статье рассматриваются вопросы реализации предоставленного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации права мирового судьи на вынесения частного постановления (определения) о выявленных обстоятельствах, способствующих совершению преступления при рассмотрении им дел частного обвинения. Автором отмечается низкая активность мировых судей в этом вопросе, выявлены причины такого положения дел. Автор считает, что более активная позиция мировых судей по реализации указанного права будет способствовать предупреждению совершения более тяжких преступлений, чемте преступления, дела о которых относятся к делам частного обвинения.

Ключевые слова: частное постановление (определение), мировой судья, дело частного обвинения, предупреждение преступлений.

Z. Talyneva

Private Resolution (Definition) as Form of Implementation of Function of Prevention of a Crime of Affairs of Private Charge

The article covers questions of realization of right of magistrate granted by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on pronouncement of private resolution (definition) on revealed circumstances promoting commission of crime by consideration of affairs of private charge by him. The author notes low activity of magistrates in this question, the reasons of such situation are established. The author considers that more active position of magistrates on realization of the specified right will promote prevention of commission of more serious crimes, than those crimes, affairs on which belong to affairs of private charge.

Key-words: private resolution (definition), magistrate, affair of private charge.

Профилактика преступлений - задача всего общества и всех органов государства, решаемая разнообразными политическими, экономическими, правовыми и иными методами, специально направленными на устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению.

Значение предупреждения преступлений было понятно еще мыслителям античности и Нового времени. Цезаре Беккариа писал: Лучше предупреждать преступления, чем карать за них. Это составляет цель любого хорошего законодательства, которое, в сущности является искусством вести людей к наивысшему счастью или к возможно меньшему несчастью, если рассуждать с точки зрения соотношения добра и зла в нашей жизни

[1, с. 123].

Профилактика – это некий комплекс различного рода мероприятий, которые направлены на предупреждение проблемы или явления еще до их возникновения, или же это предотвращение различного рода факторов риска относительно этой же проблематики.

Криминалистическая профилактика является составной частью правовой профилактики, осуществляемой органами следствия и дознания, прокуратурой судами, специфическими методами и средствами, присущими только этим органам. Эту профилактику должны осуществлять следователи, орган дознания, прокурор, а также судьи.

Развитие системы профилактических мер, правильно организованная

профилактическая работа являются одними из важнейших условий обеспечения общественной безопасности и результативной борьбы с преступностью.

Важная роль в предупреждении преступлений среди государственных и общественных органов, организаций отводится суду. В свою очередь, повышение авторитета судебной власти в государстве и во всем обществе, укрепление позиций суда в системе разделения властей и усиление его воздействия на все стороны жизни России за последние десять лет создают наиболее благоприятные условия для осуществления судами эффективной предупредительной деятельности. При этом суды обладают большими и благоприятными возможностями, так как являются участниками широкого круга правоотношений, возникающих в сфере борьбы с преступностью. Особо следует подчеркнуть роль мировых судей, разбирающих мелкие правонарушения, с которых обычно начинается преступное поведение, осуществляющих тем самым и повседневную, профилактическую деятельность. Эти и многие другие профилактические возможности судов основываются на положениях Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года и принятых на ее основе законодательных актов.

Вместе с тем, в начале 90-х годов XX столетия вследствие односторонней трактовки правозащитной роли суда, преувеличенного понимания его независимости, места суда в системе государственных органов (необоснованное дистанцирование судов от системы правоохранительных органов) явно обозначилась тенденция к ограничению предупредительных функций суда. Так, например, стали редкостью выездные заседания суда, способные оказывать значительное влияние на предупреждение преступлений. Более того, с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Российской Федерации от 18 декабря 2001 года законодатель освободил суд от обязанности выносить частные определения (постановления) по выявленным в ходе судебного разбирательства

обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления, а вместо этого предусмотрел право суда на вынесение таких судебных актов (ч. 4 ст. 29 УПК Российской Федерации). В связи с этим в настоящее время у некоторых ученых-юристов и многих судей сложилось представление о том, что суд вообще не должен участвовать в осуществлении профилактических мероприятий.

Приведенные суждения свидетельствуют о недостаточной разработке вопросов деятельности суда по предупреждению преступлений, о сложности и многогранности проблемы, настоятельно требующей своего рассмотрения с учетом места и роли суда в системе субъектов специального предупреждения преступлений. Безусловно, нуждается в обобщении сложившийся за последние годы эмпирический опыт профилактической деятельности суда. Научное осмысление приобретает особую актуальность в связи с тем, что пока такая деятельность складывается во многом стихийно и до сих пор должным образом не изучена на теоретическом уровне, не систематизирована, не стала всеобщим достоянием [3, с. 7].

Превентивная (предупредительная) функция юридической ответственности заключается в предупреждении новых правонарушений как со стороны самого правонарушителя (частная превенция), так и со стороны других лиц (общая превенция).

При производстве предварительного расследования следователь (дознатель) выявляет причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и по возможности принимает меры к их устранению. Действенной мерой такого рода является представление. При установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, следователь, (дознатель), вносит в соответствующее учреждение, общественную организацию или должностному лицу представление о принятии мер по устранению этих причин и условий. Не позднее чем в месячный срок по представлению должны быть приняты надле-

жащие меры и о результатах сообщено следователю, (дознавателю). Представление является процессуальным актом, в силу чего все содержащиеся в нем выводы должны быть основаны только на доказательствах, добытых путем производства следственных действий. Поэтому такое представление выносится в тот момент производства по делу, когда собраны достаточные доказательства, на основе которых может быть сделан соответствующий вывод. Обстоятельства, указывающие на необходимость немедленного реагирования на выявленные причины и условия, могут обязать следователя, (дознавателя) безотлагательно внести представление, не дожидаясь окончания расследования по уголовному делу.

Своевременное привлечение к ответственности за преступления частного обвинения является сдерживающим фактором роста тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан. Не подлежит сомнению тот факт, что существует прямая зависимость между количеством тяжких насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере и менее тяжкими преступлениями превентивной направленности. Статистически доказано, что при усилении профилактической деятельности органов внутренних дел по предупреждению и пресечению преступлений превентивной направленности снижается количество тяжких преступлений. И, напротив, снижение данной профилактической деятельности приводит к резкому росту насильственных преступлений в сфере быта [5, с. 98].

Как отмечает Н.В. Костовская: «... одним из направлений обеспечения безопасности России является повышение эффективности предупреждения и профилактики преступных посягательств, для чего необходимо совершенствование системы профилактики правонарушений, включающей в себя выявление предпосылок совершения преступлений, а также принятие мер по их устранению. Исходя из функционального предназначения, решение этой задачи возложено главным образом на правоохранительные органы. Однако это вовсе не означает того, что

суды должны отстраниться от этой работы лишь на том основании, что основное их предназначение - отправление правосудия, а не борьба с преступностью. На сегодняшний день ученые-процессуалисты в большинстве своем рассматривают предупреждение преступлений в качестве одной из обязанностей суда. Аналогичного мнения придерживаются и правоприменители» [4, с. 17].

Тем не менее, анализ судебной практики позволяет говорить о том, что, несмотря на установление причин и условий, способствующих совершению преступлений, предоставленное законом право суды реализуют не всегда.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК Российской Федерации к числу преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, относятся: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса (УК) Российской Федерации), нанесение побоев лицом, ранее подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК Российской Федерации) и клевета (ч. 1 ст. 128.1 УК Российской Федерации).

Согласно ч. 1 ст. 318 УПК Российской Федерации уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК Российской Федерации возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 частей 1 и 4 ст. 147 УПК Российской Федерации.

По заявлениям и сообщениям по факту причинения легкого вреда здоровью и побоев, как правило, после проведения проверки, орган дознания в лице участковых уполномоченных органов внутренних дел и дознавателей, направляет материал в мировой суд без проведения предварительного расследования для принятия мировым судьей законного решения, в связи с чем какой-либо профилактической работы не проводится, т.к. согласно ч. 4 ст. 29 УПК Российской Федерации данная функция в этом случае является прерогативой мирового судьи.

В главе 41 УПК Российской Федерации раскрывается суть производства по уголовным делам, подсудным мировому судье, однако в ст. 319 УПК Российской Федерации, где речь идет о полномочиях мирового судьи по уголовному делу частного обвинения, нет ссылок на ч. 4 ст. 29 и ч. 2 ст. 73 УПК Российской Федерации. Возможно, вследствие этого, мировые судьи при рассмотрении материалов по делам частного обвинения, направленных к ним из органов внутренних дел без предварительного расследования, не выявляют обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и частных определений (постановлений), как правило, не выносят.

Представляется, что низкая активность судов в данном случае обусловлена несколькими причинами, а именно: определенной дискуссионностью нормативных конструкций ст. 73 и ч. 4 ст. 29 УПК Российской Федерации, а также высокой загруженностью судов, порой исключая реальной возможность выяснять помимо обстоятельств, входящих в предмет доказывания, еще и обстоятельства, способствующие совершению преступления, и принимать соответствующие меры реагирования.

Резюмируя вышеизложенное, можно допустить, что деятельность суда по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступления, а

также соответствующему процессуальному реагированию на данные обстоятельства, вряд ли можно напрямую отнести к осуществлению функции по борьбе с преступностью. Однако, если мировые судьи, рассматривая дела частного обвинения, выносили бы частное определение (постановление) и направляли бы данное определение участковым уполномоченным органов внутренних дел, пользы было бы намного больше, т.к. самым ранним этапом предупредительной деятельности по отношению к конкретной личности является профилактика, т.е. выявление лица, от которого по его негативному поведению можно ожидать совершения преступления, принятие к нему воспитательных мер, а также устранение криминогенных факторов.

Профилактика преступлений представляет собой наиболее эффективное средство борьбы с преступностью. Она открывает куда более широкие возможности «вытеснения» преступности из жизни общества, чем иные меры [2, с. 9].

Исходя из вышесказанного, следует, что направление судебной деятельности по вопросу предупреждения и профилактики преступных посягательств следует совершенствовать, в том числе и относительно придания ему процессуальной формы.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: Стелс, 1995. - 304 с.
2. Блувштейн Ю.Д., Зырин М.Н., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск: Университетское, 1986. - 287 с.
3. Величко А.Н. Деятельность суда по предупреждению преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень. 2006. - 16 с.
4. Костовская Н.В. Право суда на частное определение (постановление) // Российский судья. - 2014. - № 8. - С. 17-22.
5. Стульнова Т.В. Предупреждение тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан как результат своевременного принятия решений по сообщениям о преступлениях частного обвинения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2010. - № 1. - С. 98-103.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.Ю. Самойлов

**Проблемы применения экспертно-криминалистических методов и средств
сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения**

В статье рассмотрены некоторые вопросы деятельности сотрудников экспертно-криминалистического подразделения по применению экспертно-криминалистических методов и средств. Особое внимание обращено на задачи сотрудника данного подразделения, выступающего в качестве специалиста, по обнаружению, фиксации и изъятию следов преступления.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическое подразделение, экспертно-криминалистические методы и средства, специалист, следы преступления.

A. Samoylov

**Problems of Application of Expertise-Criminalistics Methods and Means by Staff of
Expertise-Criminalistics Division**

The article covers some questions of activities of staff of expertise-criminalistics division for application of expertise-criminalistics methods and means. Special attention is paid to tasks of employee of this division acting as specialist of detection, fixing and withdrawal of traces of crime.

Key-words: expertise-criminalistics division, expertise-criminalistics methods and means, specialist, traces of crime.

Одной из основных функций экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств (ЭКМС) является обеспечение участия сотрудников ЭКП в качестве специалистов в следственных действиях. Наряду с этим сотрудники ЭКП принимают участие в работе следственно-оперативных групп (в следственных действиях и организационных мероприятиях), участвуют в различных непроцессуальных мероприятиях по борьбе с преступностью или раскрытию конкретных преступлений, где необходимо квалифицированное применение ЭКМС. Во всех перечисленных формах участия (в основном - в качестве судебных специалистов) сотрудники ЭКП привлекаются для собирания, исследования и использования судебных доказательств с применением ЭКМС чаще всего в условиях и по прави-

лам криминалистического диагностического процесса.

При собирании доказательств диагностические задачи решаются специалистом в ходе осуществления следующих функций:

- поиск доказательств: изучение вещественной обстановки, механизма события, способа совершения преступления, отдельных действий участников, взаимодействия элементов вещественной обстановки события преступления, выдвижения и проверки на этой основе версий о местах расположения доказательств, установление этих мест (локализация);

- обнаружение доказательств: выявление (индикация) объектов в местах их вероятного расположения; установление их соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам, в том числе их связанности с событием преступления, возможных роли и значения в событии

преступления; доказывание существенных обстоятельств события преступления, в конечном счете - решение вопроса: может ли это послужить раскрытию и расследованию преступления? [1, с. 12];

- изъятие (выделение и отъем) из вещественной обстановки или информационного поля различных элементов - предметов, веществ, прямых и косвенных носителей информации: документов, рукописей, фонограмм, следов и пр. (определение в этих целях механизма возникновения, а также природы, свойств и состояния этих объектов, выбор ЭКМС для изъятия, оценка соответствия качества изъятия криминалистическим и процессуальным требованиям);

- закрепление и удостоверение доказательств - обеспечение сохранности (консервации), установление и фиксация происхождения (по месту, времени, обстоятельствам), процессуальное оформление объекта, придание ему статуса судебного доказательства (определение и описание природы, свойств и состояния объекта, важных для его закрепления и удостоверения), выбор и приложение экспертно-криминалистических методов и средств закрепления и удостоверения доказательства, оценка качества изъятия и удостоверения - соответствие объекта или его отображения требованиям, предъявляемым к судебному доказательству [2, с. 8].

Специалисты в ходе следственных и других процессуальных действий могут проводить любые диагностические исследования, возможности которых ограничиваются лишь условиями и обстоятельствами производства таких исследований, а также уровнем обеспечения научно-техническими средствами, необходимостью сохранения в неизменном виде исследуемых объектов. При этом исследования могут осуществляться для установления следующего:

- природы и отдельных свойств и признаков, состояния, происхождения, назначения, механизма и обстоятельств возникновения, изменения, утраты различных объектов по причине события преступления;

- связей и отношений собранных объектов между собой, с событием преступления, с участниками преступления и лицами, причастными к событию преступления;

- характеристик источников происхождения (лиц, орудий и пр.), важных для розыска, идентификации этих источников.

Такое исследование, проводимое специалистами по поручению или с разрешения следователя, в рамках следственного действия или непроцессуального мероприятия, является предварительным, не имеет значения судебного доказательства, носит ориентировочный характер, предпринимается в целях быстрой реализации результатов следственного действия для розыска лиц, орудий и других объектов, для проверки версий следователя о механизме события преступления, способе его совершения и роли в нем различных лиц, а также идентификационных характеристик участников преступления, роли и значения различных элементов вещественной обстановки преступления. Суждения судебного специалиста излагаются устно, иногда вносятся следователем в протокол следственного действия в виде заявления специалиста, но в любом случае значения судебных доказательств не имеют.

При необходимости получить в результате исследования судебное доказательство («закрепить результаты исследования») следователь должен назначить судебную экспертизу, которая проводится при соблюдении определенных процессуальных правил только специально назначенным сведущим лицом - судебным экспертом, даже если экспертиза проводится в ходе и на месте следственного действия.

При использовании доказательств, когда требуются специальные познания, умения и навыки применения ЭКМС, специалист по поручению или с разрешения следователя решает ряд диагностических задач для:

- оценки возможных роли и значения доказательств в расследовании преступлений;

- выявления и проверки версий;

- определения перспектив использования доказательств для установления

важных обстоятельств события преступлений, роли участников преступления в этом событии;

- подготовки различных материалов (подбора образцов, проведения экспериментов и пр.) к судебным экспертизам или применения в розыске и установлении различных объектов (документов, орудий преступления, а также преступников и жертв преступления, очевидцев преступления) путем составления розыскных таблиц почерка и других объектов, описаний внешности человека по методу словесного портрета, изготовления субъективных портретов различных лиц;

- осуществления отдельных операций при ведении экспертно-криминалистических учетов и коллекций (прежде всего - установления природы, происхождения, связей и отношений различных объектов и их классификации) [4, с. 93].

При осмотре места происшествия и других объектов диагностическими по своему содержанию являются следующие действия специалиста:

- прежде всего - применение своих познаний при изучении следователем первичной информации об обстоятельствах преступления; при уточнении задач осмотра; планировании работы на месте происшествия; определении границ осмотра места происшествия и места преступления; видов и возможных мест расположения следов и других вещественных доказательств, соответствующих данному событию и объекту осмотра, предполагаемым или точно установленным виду и ситуации механизма события происшествия по вещественной обстановке;

- при поиске и обнаружении (выявлении) следов и других вещественных доказательств - определение соответствующей данной ситуации события их совокупности, которая может быть обнаружена при осмотре места происшествия.

Специалист определяет также комплекс ЭКМС, необходимых для обнаружения (выявления) искомым вещественных объектов, места их расположения (локализации), их природы, состояния, характеристик, имеющих значение для отыскания, обнаружения, дальнейшей работы с

объектами в доказывании, их возможные значение и роль в расследовании преступления. В ходе и в результате обнаружения объектов специалист совместно со следователем устанавливает их соответствие или несоответствие (негативные обстоятельства) вещественным доказательствам, свойственным данному виду преступления и ситуации его совершения, а также связи и отношения обнаруженных объектов с расследуемым преступлением (относимость). Это практически предопределяет необходимость установления их криминалистической и процессуальной перспективности, изъятия и приобщения к делу в качестве судебных доказательств, значимых для расследования преступления.

Криминалистическая и процессуальная перспективность объектов, обнаруживаемых с применением ЭКМС (пригодность и допустимость), определяется по соответствию их качества требованиям и возможностям криминалистической методики их достоверного изучения, возможности такого изучения (пригодность) и использования объекта в судебно-доказательственном процессе (допустимость) [1, с. 24]. Изъятию не подлежат объекты, относимость, пригодность и допустимость которых исключены специалистом и следователем с достаточными основаниями - при отсутствии существенной для дела связи объекта с событием преступления, невозможности изучения и использования в доказывании диагностических и/или идентификационных признаков обнаруженного объекта. Круг таких объектов непостоянен и неуклонно сужается в связи с развитием возможностей экспертно-криминалистической науки и техники, методов и средств исследования объектов, вовлекаемых в сферу расследования преступлений, а также классификаций познанных криминалистических объектов [3, с. 43].

В целях закрепления доказательств (их фиксации, запечатления, консервации и пр.) специалистом избираются ЭКМС, соответствующие задачам закрепления с учетом необходимости сохранения свойств объекта, его характеристик, имеющих значение для доказывания, а

также устанавливаются и описываются закреплённые следы и другие вещественные доказательства для отражения в протоколе осмотра, производится фотографирование, копирование, получение слепков, оттисков, отливок и пр. в целях отображения установленных существенных признаков доказательств.

Участвуя в работе следственно-оперативной группы вне следственных действий, специалист-сотрудник ЭКП мо-

жет способствовать поиску, анализу и использованию технико-криминалистической доказательственной информации, выдвижению и проверке на этой основе версий, разработке предложений по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, и т.д.; при этом специалист использует свои специальные познания, методы, средства, умения и навыки.

Список литературы

1. Взаимодействие следователя и эксперта-криминалиста при производстве следственных действий / под ред. И.Н. Кожевникова. - М. : ЭКЦ МВД России, 1995.- 136 с.
2. Идентификация человека и диагностика его свойств, отражающихся в следах. М.: ВНИИСЭ Минюста России / под ред. Н.П. Майлис. 1993. - 234 с.
3. Латыпов В.С. К вопросу о применении специальных знаний сведущими лицами в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3 (69). С. 42-46.
4. Рудиченко А.И. Классификация и структура решения диагностических экспертных задач, их место в системе задач судебной экспертизы // Теоретические вопросы судебной экспертизы. Сборник научных трудов. № 48. - М.: ВНИИСЭ, 1988.-С.93-105.

Институт оказания помощи граждан оперативным подразделениям и их взаимодействие с гражданами, их объединениями, средствами массовой информации как принцип оперативно-розыскной деятельности

В статье рассмотрен ряд проблем взаимодействия оперативных подразделений с гражданами. Обращено внимание на вопросы выплаты надлежащего вознаграждения лицам, оказывающих помощь оперативным подразделениям. Обосновано включение в систему принципов оперативно-розыскной деятельности принципа взаимодействия оперативных подразделений с гражданами, их объединениями, средствами массовой информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативное подразделение, помощь граждан, вознаграждение, принцип.

S. Malyshev, A. Tabakov

Institute of Assistance of Citizens to Operational Divisions and Their Interaction with Citizens, Their Associations, Mass Media as Principle of Operatively-Search Activity

The article covers number of problems of interaction of operational divisions with citizens. The attention is paid to questions of payment of appropriate remuneration to persons, giving help to operational divisions. Inclusion of the principle of interaction of operational divisions with citizens, their associations, mass media in the system of the principles of operatively-search activity is proved.

Key-words: operatively-search activity, operational division, help of citizens, remuneration, principle.

Примечание редакции: С.Я. Малышевым рассмотрены вопросы вознаграждения лицам, оказывающим помощь оперативным подразделениям, А.Р. Табаковым обосновано выделение взаимодействия оперативных подразделений с гражданами, их объединениями, средствами массовой информации оперативных подразделений с гражданами, их объединениями, средствами массовой информации в качестве принципа оперативно-розыскной деятельности.

На современном этапе все острее и актуальнее возникает вопрос о привлечении к борьбе с преступностью общественные силы, так как правоохранительным органам в своей деятельности необходимо опираться на здоровые силы общества. В настоящее время принцип работы советской милиции «Сила милиции – в связи с народом» является актуальным и для работы российской полиции. Однако многолетний опыт работы органов внутренних дел с общественностью подтверждает, что в борьбе с преступностью здоровые силы общества необходи-

мо материально и финансово мотивировать на их активную деятельность, а иначе эффективность такого взаимодействия правоохранительных органов с активными членами общества будет равна нулю. В связи с этим, справедливо возникает вопрос о нормативно-правовом регулировании такого рода мотивации общества в борьбе с преступностью.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[4] определяет права полиции в соответствии с п. 34 ст. 13 которого органы внутренних дел вправе объявлять о назначении вознагра-

ждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, и выплачивать его гражданам, поощрять граждан, оказавших помощь в выполнении иных возложенных на них обязанностей. В соответствии с положениями Федерального закона «О полиции» было принято распоряжение МВД России от 16 февраля 2012 г. № 1/1134 регламентирующее порядок, основания и условия производства вознаграждения гражданам за помощь в раскрытии преступлений, задержания лиц, их совершивших, за счет ассигнований федерального бюджета, выделенных на осуществление оперативно-розыскной деятельности при условии предоставлении гражданами:

- достоверной информации о физическом лице (группе лиц), совершившем особо тяжкое преступление, которая привела к его (ее) установлению и задержанию;

- своевременного сообщения о готовящемся (совершенном) особо тяжком преступлении, которое непосредственно привело к выявлению, предупреждению (предотвращению), пресечению либо раскрытию особо тяжкого преступления;

- помощи по задержанию лица (группы лиц) совершившего (совершивших) особо тяжкое преступление.

В п. 2 указанного распоряжения определено, что не допускается оформление указанных вознаграждений на лиц, оказывающих органам внутренних дел конфиденциальное содействие, а также на сотрудников органов внутренних дел и членов их семьи.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что вопрос о выплате вознаграждений гражданам за помощь в раскрытии преступлений, задержании лиц, их совершивших решается неоднозначно и требует дополнительной его нормативно-правовой регламентации. На сегодняшний день среди ученых в области теории оперативно-розыскной деятельности и практических сотрудников ОВД активно ведется дискуссия по обсуждению проекта приказа МВД России «Об утверждении Правил объявления о назначении и выплаты вознаграждения

гражданам за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших», который был опубликован в августе 2012 г. на сайте МВД России. В настоящее время создана рабочая группа в составе ученых в области теории оперативно-розыскной деятельности, сотрудников Главного управления уголовного розыска (ГУУР) и Главного управления по противодействию экстремизму ГУПЭ) МВД России в целях разработки проекта приказа МВД России о порядке использования содействия граждан в раскрытии преступлений за ранее объявленное вознаграждение оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации.

Для того чтобы действующие и разрабатываемые нормативно-правовые акты имели не декларативный, а действительный характер, на наш взгляд, необходимо знать содержание таких правовых понятий, как «помощь лиц» и «содействие лиц», т. е. мы должны ясно определить, какую область оперативно-розыскных правоотношений следует регламентировать с нормативно-правовой позиции. На сегодняшний день следует констатировать, что такого ясного понимания содержания указанных правовых категорий у оперативного состава нет.

В ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] определено, что должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, используя *помощь* должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями, а также отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе. Таким образом, понятие «помощь» является правовой категорией, которая должна иметь свое содержание. Важно отметить, что любое рассматриваемое нами содействие – это, прежде всего, оказание помощи правоохранительным органам. Однако не всякую помощь правоохранительным органам со

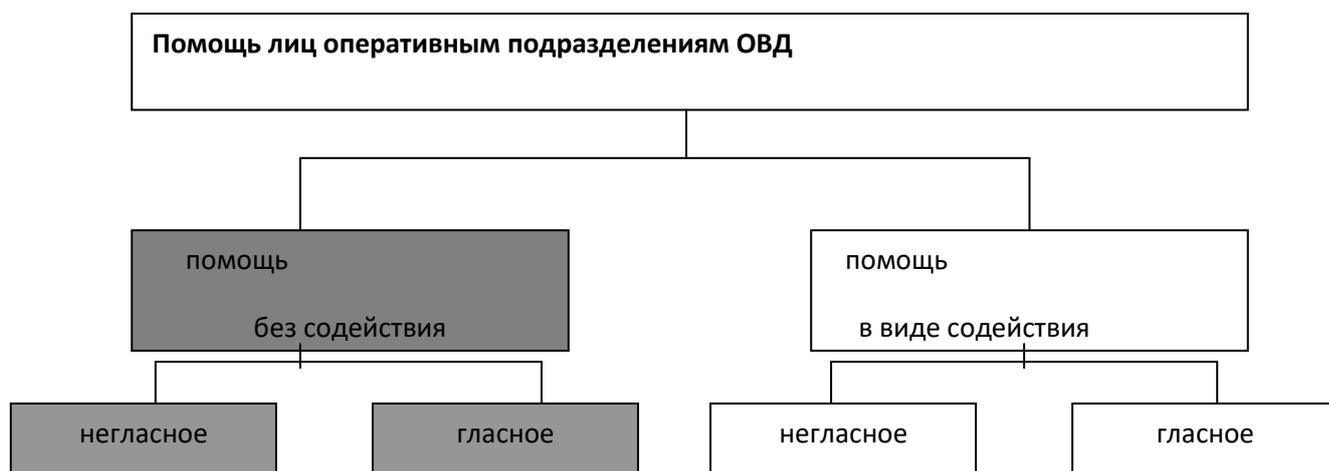
стороны лица следует оценивать как осуществление им содействия. Правовая категория «помощь» имеет родовое значение по отношению к содействию, и последнее соотносится к первому, как частное к общему, т. е. является ее составной частью. В связи с этим, правовую категорию «помощь лиц оперативным подразделениям органами внутренних дел (ОВД)» необходимо классифицировать на две следующие группы (см. схему):

- помощь лиц оперативным подразделениям ОВД *в виде содействия*;
- помощь лиц оперативным подразделениям ОВД *без содействия*.

Такая необходимость диктуется объективными условиями деятельности сотрудников оперативных подразделений по организации оперативной работы с различной категорией лиц, которые добровольно оказывают правоохранительным органам помощь. Очевидным является тот факт, что оказывающие оперативным подразделениям помощь лица по своим психофизиологическим качествам могут иметь крайне резкие различия. Это

могут быть лица дееспособные и недееспособные, наблюдательные и ненаблюдательные, совершеннолетние и несовершеннолетние (малолетние), лица, имеющие отличное здоровье и инвалиды и т. д. Однако всех этих лиц объединяет одно весьма важное обстоятельство – все они имеют *субъективное право на гласное и негласное оказание помощи правоохранительным органам в борьбе с преступностью* и это их гражданская позиция, которую органы внутренних дел обязаны реализовать. Кроме того, оперативные сотрудники в деле раскрытия преступления не должны пренебрегать оперативно значимой информацией, независимо от того, из какого гласного или негласного источника она исходит. Важно заметить, что оперативная работа с источниками и получение от них оперативно значимой информации должна осуществляться в правовом поле строго в соответствии с конституционным принципом законности.

Схема

Таким образом, предметом интересующего нас нормативно-правового регламентирования должны стать оперативно-розыскные правоотношения, которые в указанной выше схеме обозначены серым цветом, т. е. помощь лиц оперативным подразделениям ОВД без оказа-

ния с их стороны какого-либо содействия правоохранительным органам.

Следует отметить, что все виды содействия и вопросы, связанные с их финансовым обеспечением, определены ведомственным нормативно-правовым актом, регламентирующим организацию и тактику оперативно-розыскной дея-

тельности ОВД. Однако нет ни одного ведомственного нормативно-правового акта, который бы определил виды оказания лицами гласной и негласной помощи оперативным подразделениям ОВД и формы их финансового обеспечения. Дело в том, что ссылка в п. 1.1 указанного выше распоряжения о том, что выплату вознаграждений гражданам производить за счет ассигнований федерального бюджета, «выделяемых на осуществление оперативно-розыскной деятельности» является несостоятельной, так как при финансовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности ОВД отсутствует статья расходов на интересующее нас вознаграждение. В ведомственном нормативно-правовом акте вопрос о финансовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности рассматривается лишь с позиции оказания лицами гласной и негласной помощи оперативным подразделениям органам внутренних дел в виде содействия (на схеме данные оперативно-розыскные правоотношения имеют белый окрас).

Таким образом, в целях эффективности оказания помощи лиц органам внутренних дел необходимо ясно представлять, какую область оперативно-розыскных правоотношений следует регламентировать ведомственным нормативно-правовым актом и из каких финансовых источников осуществлять их обеспечение.

Учитывая место и роль оказания помощи граждан оперативным подразделениям, целесообразно, на наш взгляд, сформулировать новый соответствующий принцип оперативно-розыскной деятельности.

В советской юридической литературе подобный принцип формулировался по-разному: «опора на трудящихся и повседневная связь с общественными организациями» (Д.В. Гребельский), «связь с трудящимися» (В.Г. Бобров), «связь с трудящимися и общественностью» (В.А. Лукашов) и др. [1]

По нашему мнению, понятие помощи граждан оперативным подразделе-

ниям входит в более широкое понятия взаимодействия оперативных подразделений с гражданами и их объединениями. В.Г. Кутушев в свое время под таким взаимодействием понимал «основанное на законах и подзаконных актах, согласованное по задачам, направлениям и времени совместное использование сил и средств органа внутренних дел, других государственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов в интересах достижения общей цели обеспечения правопорядка...» [2, с. 16].

К этому же принципу следует отнести взаимодействие со средствами массовой информации (СМИ). Под взаимодействием СМИ с оперативными подразделениями Л.И. понимает деятельность по привлечению СМИ и их представителей к выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий, а также оказанию конфиденциального содействия оперативным подразделениям ОВД. Это согласованные по целям, задачам, времени, месту, содержанию, способам, формам и методам совместные действия субъектов, направленные на решение задач оперативно-розыскной деятельности [5, с. 7].

Таким образом, взаимодействие оперативных подразделений с гражданами, их объединениями, средств массовой информации как принцип оперативно-розыскной деятельности можно раскрыть как основанную на Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и подзаконных актах согласованную по целям, задачам, времени, месту, направленную на решение задач оперативно-розыскной деятельности деятельность оперативных подразделений по привлечению к выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий граждан, включая оказание ими конфиденциальной помощи оперативным подразделениям, их объединений, средств массовой информации.

Список литературы

1. Краткий курс лекций по дисциплине «Оперативно-розыскная деятельность» // http://studme.org/62151/pravo/printsipy_operativno-rozysknoy_deyatelnosti
2. Кутушев В.Г. Основные направления и формы взаимодействия городских и районных ОВД с государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективам // Управление горрайорганами внутренних дел и линейными органами транспортной милиции / под. ред. Д.В. Гребельского. Вып. 19 - М.: РИО Академии МВД СССР, 1976. - 39 с.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3349.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 7. - Ст. 900.
5. Солодкая Л.И. Организационно-тактические проблемы взаимодействия средств массовой информации с оперативными подразделениями ОВД: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Калининград, 2007. - 28 с.

Об авторах About Authors

Алексеевко Анна Михайловна, Краснодарский университет МВД России, адъюнкт кафедры уголовного процесса. Контактная информация для переписки: 128, ул. Ярославская, г. Краснодар, 350005.

Maksim Babaytsev, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, post-graduate student of the Department of Criminal Procedure. Contact information for correspondence: 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005.
e-mail: alinamixailovna@yandex.ru

Антонов Игорь Алексеевич, Краснодарский университет МВД России, начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор. Контактная информация для переписки: 128, ул. Ярославская, г. Краснодар, 350005.

Igor Antonov, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief of the Department of Criminal Procedure, Doctor of Law, Professor. Contact information for correspondence: 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005.
e-mail: docantonov@yandex.ru

Бабайцев Максим Александрович, Краснодарский университет МВД России, адъюнкт кафедры уголовного процесса. Контактная информация для переписки: 128, ул. Ярославская, г. Краснодар, 350005.

Maksim Babaytsev, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, post-graduate student of the Department of Criminal Procedure. Contact information for correspondence: 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005.
e-mail: babaycev02@mail.ru

Гильмуллин Айнура Разифович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ведущий юрисконсульт. Контактная информация для переписки: 18, ул. Кремлевская, Казань, Республика Татарстан, 420008

Aynur Gilmullin, Kazan (Volga Region) Federal University, Leading Law Adviser. Contact information for correspondence: 18, Kremlevskaya, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008.
e-mail: gilmullin_ainur@mail.ru

Григонис Эугениус Пранович, Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр, генеральный директор, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного про-

песса, доктор юридических наук, профессор. Контактная информация для переписки: 5, ул. 2-я Красноармейская, Санкт-Петербург, 198005.

Eugeniyus Grigonis, Inter-Branch Scientific-Publishing and Education Centre, General Director, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Managing Chair of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Doctor of Law, Professor. correspondence: 5, 2nd Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 191187.
e-mail: grigonis@mail.ru

Грипп Эльвина Харисовна, Санкт-Петербургский университет МВД России, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент. Область научных интересов: проблемы конституционного права. Контактная информация для переписки: 1, ул. Летчика Пилутова, Санкт-Петербург, 198206.

Elvina Gripp, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Deputy Chief of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Law, Docent. Sphere of scientific interests is problems of constitutional law. Contact information for correspondence: 1, Letchika Pilyutova str., St. Petersburg, 198206.
e-mail: elvinagr@yandex.ru

Исмагилов Ринат Альбертович, Уфимский юридический институт МВД России, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук. 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Rinat Ismagilov, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: rinatismagilov@mail.ru

Латыпов Вадим Сагитьянович, Уфимский юридический институт МВД России, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Vadim Latypov, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Deputy Chief of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: vadi-latypov@yandex.ru

Лещенко Ольга Вадимовна, Псковский филиал Академии ФСИН России, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Контактная информация для переписки: 28, Зональное шоссе, Псков, 180014.

Olga Leshchenko, Pskov Branch of the Academy of Federal Service of Execution of Punishment, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines. Contact information for correspondence: 28, Zonalnoe highway, Pskov, 180014.
e-mail: olgaleshxhenko@mail.com

Малышев Сергей Яковлевич, Уфимский юридический институт МВД России, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Sergey Malyshev, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Docent of the Department of Operatively-Search Activity of Bodies of Internal Affairs, Candidate of Law, Docent. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: malishevserge@yandex.ru

Набиев Фаниль Фанусович, Уфимский юридический институт МВД России, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Fanil Nabiev, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, post-graduate of the Department of Criminal Law and Criminology. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: nabiev_f@mail.ru

Рудов Денис Николаевич, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук. Контактная информация для переписки: 71, ул. Горького, Белгород, 308024.

Denis Rudov, Belgorod I. Putilin Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Deputy Chief of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law. Contact information for correspondence: 71, Gorkogo str., Belgorod, 308024.
e-mail: den.rudov2013@yandex.ru

Салахова Жанна Валерьевна, Уфимский юридический институт МВД России, доцент кафедры управления в органах внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Zhanna Salakhova, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Docent of the Department of Management in Bodies of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Docent. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: kutuev@inbox.ru

Самойлов Александр Юрьевич, Уфимский юридический институт МВД России, начальник кафедры уголовного процесса. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Alexander Samoylov, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief of the Department of Criminal Procedure. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: som78@yandex.ru

Табакон Алексей Рудольфович, Уфимский юридический институт МВД России, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Aleksey Tabakov, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief of the Department of Operatively-Search Activity of Bodies of Internal Affairs. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: andralex1@yandex.ru

Талынева Земфира Зинуровна, Уфимский юридический институт МВД России, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Zemfira Talyneva, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Docent of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law, Docent. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: reginal2@mail.ru

Шарнина Любовь Александровна, Аппарат Совета Федерации, советник, кандидат юридических наук. Контактная информация для переписки: 26, Большая Дмитровка, Москва, 103426.

Lubov Sharnina, Apparatus of the Council of the Federation, Advisor, Candidate of Law. Contact information for correspondence: 26, Bolshaya Dmitrovka, Moscow, 103426.
e-mail: sharnina.law@mail.ru

Яхина Юлия Харисовна, Уфимский юридический институт МВД России, начальник кафедры конституционного права, кандидат юридических наук, доцент. Область научных интересов: проблемы конституционного права. Контактная информация для переписки: 2, ул. Муксинова, Уфа, Республика Башкортостан, 450103.

Yulia Yakhina, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief of the Department of Constitutional Law, Candidate of Law, Docent. Sphere of scientific interests is problems of constitutional law. Contact information for correspondence: 2, Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
e-mail: yulechka72@yandex.ru

Информация для авторов Information for Authors

Уважаемые коллеги!

Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр (МНИОЦ) (г. Санкт-Петербург) продолжает прием статей для публикации в федеральном научно-теоретическом журнале «Мир юридической науки». Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук от 1 декабря 2015 г. № 13-651, а также в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал в основном предназначен для публикации статей аспирантов (адъюнктов), докторантов, соискателей ученых степеней и ученых званий, кандидатов и докторов юридических наук. В журнале публикуются статьи по научным специальностям: 12.00.01 – теория и история права и государства, история учений о праве и государстве; 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – уголовный процесс; 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Периодичность выпуска журнала – ежемесячно.

Общие требования к оформлению статей: шрифт 12 Times New Roman; междустрочный интервал – одинарный; выравнивание по ширине; автоматическая расстановка переносов. Номера сносок вместе с номерами страниц в тексте проставляются в квадратных скобках. Сами сноски приводятся в конце статьи в виде списка литературы, составленного в алфавитном порядке, с указанием издательства и общего количества страниц или страниц в журнале

В статье обязательно должен содержаться вывод или выводы автора по статье.

К статье прилагается аннотация на русском языке, объемом в один абзац, состоящая из трех-четырех предложений (например: В статье рассмотрены вопросы.... Особое внимание обращено на... Автор приходит к выводу...), а также несколько ключевых слов.

В конце статьи или в отдельном файле указываются фамилия, имя, отчество (полностью) автора, его место работы, должность или место учебы с адресом, включая почтовый индекс, учёная степень и учёное звание (если имеются), контактный телефон, личный e-mail. Имя и фамилия указывается также на английском языке (как в заграничном пас-

порте при его наличии). Более подробно с правилами публикации можно ознакомиться на сайте www.ispecspb.ru

Обращаем внимание на то, что с января 2017 г. вступил в силу ряд новых правил для авторов статей:

- авторы самостоятельно проверяют свои статьи на антиплагиат и высылают скриншот отчета о проверке. К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70%. Обращаем внимание, что действующие системы антиплагиата не являются совершенными. Если в статье корректно указаны источники заимствования обязательно с указанием конкретной страницы (конкретных страниц), правильно названы нормативно-правовые акты, их реквизиты, статьи (части, пункты статьи), то статья может быть принята к публикации и при меньшем количестве процентов оригинальности;

- редакция прекращает прием к публикации статей с тремя и более соавторами. Статья, написанная двумя авторами, принимается к публикации в двух случаях:

а) один из соавторов является научным руководителем или научным консультантом второго соавтора – соискателя ученой степени кандидата или доктора наук, аспиранта, адъюнкта, докторанта;

б) в иных случаях, в свободной форме должно быть указано какая часть статьи написана каждым из соавторов (страницы, теоретическая или практическая часть и т.п.).

При последующей публикации статей теми же соавторами редакция будет указывать сведения о частях прежних статей, написанных каждым из соавторов;

- к публикации не принимаются статьи, опубликованные ранее, в т.ч. в других изданиях, даже при измененном наименовании. Если автор имеет статьи с похожим названием, то при отправке заявки необходимо прикрепить эти статьи для определения оригинальности текста. Если во вновь присланной статье использованы материалы прежних публикации, в том числе диссертаций и их авторефератов, необходимы соответствующие сноски с указанием конкретной страницы (конкретных страниц).

Статьи присылать по электронной почте: ispec@mail. Справки по телефону: +7 921 938 89 96 (Григонис Эугениус Пранович).

С уважением, Генеральный директор ООО «МНИОЦ»,
главный редактор журнала «Мир юридической науки»
доктор юридических наук, профессор Э.П. Григонис